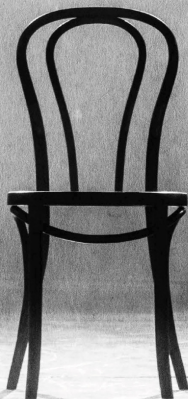

ЕВГЕНИЙ МАМОНТОВ

МОЕ НЕМОЕ КИНО

Евгений Альбертович Мамонтов

Моё немое кино

Серия «Ковчег (ИД Городец)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120862

Мое немое кино: ИД «Городец»; Москва; 2022

ISBN 978-5-907483-20-0

Аннотация

Иногда нам кажется, что наша жизнь – это фильм, который мы смотрим со стороны. Такое случается с каждым. Но что произойдет, если грань между кино и реальной жизнью, которая ускользает все дальше и дальше, совсем сотрется? Получится «Мое немое кино».

Евгений Мамонтов, переплетая значимые фильмы эпохи немого кино и жизнь преподавателя частной английской школы, создает многослойное произведение. А чтобы читатель не потерялся, важное автор подсвечивает жирным шрифтом, а незначительное (но это только на первый взгляд) прячет в сноски, потому что «сноски все равно никто не читает». Используя типографику в качестве литературного приема, Евгений Мамонтов подводит нас к тому, что звук – это еще не главное, как и количество сказанного. И порой от всей нашей жизни остается только несколько титров, которые важнее прочих слов.

Кроме того, это отличная вводная лекция об эпохе немого кино.

Содержание

Мое немое кино	8
1	8
2	28
3	42
4	54
5	70
6	79
7	89
8	97
9	101
10	105
11	116
12	125
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Евгений Мамонтов

Мое немое кино

© Е. Мамонтов, 2022

© ИД «Городец», 2022

* * *

Евгений Мамонтов родился 24 октября 1964 года во Владивостоке. Внук украинского драматурга и театроведа Мамонтова Якова Андреевича. Заочно окончил Литературный институт имени А. М. Горького в 1993 году.

Публикуется в журналах и альманахах «Дальний Восток», «День и ночь», «Октябрь», «Рубеж», «Сибирские огни», «Новый Мир», «Нева». Преподавал русскую и зарубежную литературу в Дальневосточной государственной академии искусств. Является членом Международного ПЕН-клуба. Живет в Красноярске.

Мое немое кино

С благодарностью Дмитрию Рыкунову

1

Под мостом

~~В детстве я не думал...~~

Я в детстве не верил, что буду жить в XXI веке. Помню, в пятом классе мы все высчитывали и удивлялись, сколько нам будет в 2000 году. Смеялись, представляя себя такими старыми. Тридцатилетними. А учительница нам говорила, что к тому времени уже наверняка в нашем городе построят мост через Золотой Рог. И никто не подумал, сколько будет в 2000 году нашей заслуженной учительнице. Даже она сама не подумала, наверное, потому что тоже смеялась вместе с нами. Если ей удалось дождаться моста, то, скорее всего, именно по нему ее отвезли на городское кладбище. Так короче.

Сегодня срок платежа за квартиру. Как пролетел месяц!

Занял Ивану деньги. Он тоже снимает квартиру. Интерес-

но, смог бы я жить так, как он?

Снова вспоминал мост. В детстве мост и будущее я представлял одновременно. Он был громадный, белый, освещенный солнцем и стоял именно на том месте, где он сейчас построен. И вот я сегодня стоял под ним, задрав голову... То есть мы все трое встретились – будущее, мост и я. В детстве я не думал, что так вот буквально все получится. Я должен радоваться. Купил гамбургер, там под мостом есть фастфуд. И кофе. Смотрел, как проходят за окном автобусы. Был обеденный перерыв. В детстве я не думал про такие мелочи. Например, про то, что у меня будет обеденный перерыв и я буду смотреть во время перерыва на проходящие автобусы.

Спрашивал на работе, нет ли у кого старых венских стульев.

Конечно, это была глупость... Но теперь уже ничего не поделаешь. Ивана все-таки выперли. С треском! И деньги мои не помогли. Он, оказывается, задолжал за полгода.

Заходил к Диме в музей. Пили чай. Читали книгу отзывов. Иногда аж хрюкали сквозь слезы.

Дима подарил мне футболку с Гарольдом Ллойдом. Вспоминали про Сашу: хороший был парень, пока не женился.

Долго ждал автобуса.

Не знаю, как так сложилось и почему, но, когда я вспоми-

наю свою жизнь, вчерашнюю или двадцатилетней давности, воспоминания эти идут без звука. Я помню лица, выражение глаз, погоду, жесты, слова, но не слышу, как правило, голосов. Иногда слова отдельной строкой проходят в моей голове, как субтитры к фильму. Тогда они кажутся выделенными **жирным шрифтом**.

Когда я жил в центре, еще до развода, из окна однажды вечером видно было, как горел мост.

Я немногословен, как правило. Иногда захочешь сказать что-нибудь, а потом думаешь: «Зачем?» Промолчишь, и самому светлее. Все, что не обязательно, я как бы брал в скобки. А потом решил, что и без этого можно; теперь и вовсе загоняю все в сноски. Сноски все равно никто не читает.

Сегодня на первый утренний урок пришел Максимка. Многие мои ученики в этой маленькой частной английской школе кажутся мне загадкой. Максимка, например. Ему тринадцать. Он невежествен во всем, от географии до математики. Иногда я стараюсь представить себе его внутренний мир. Это увлекательно. Потому что в нем нет ничего. И именно поэтому он кажется мне так лучезарен и тих. На самом деле там должны быть компьютерные игры, домашний быт, школьные друзья, мама, папа. Но это все ерунда, этого не хватит даже для того, чтобы расставить вдоль одной стенки в пустой комнате. Но главное – там нет ничего из моего внут-

ренного мира. И это кажется мне прекрасным. Я отдыхаю...

Максимка – хитрый азиат. Когда его спрашиваешь, он улыбается в ответ с дружелюбием дикаря, не понимающего, что ему говорят.

Есть еще Дениска, могучий шестиклассник с румяными щеками. С него можно было бы писать Петра I в отрочестве. Но по умственному развитию Дениска – жизнерадостный щенок. Выполняя письменное задание, он произносит его вслух по складам, шевеля пухлыми губами, над которыми уже растут усы. Если я его ругаю, он старается сделать серьезное лицо, и я смеюсь.

Снова собрались компанией в музее у Димы Р. После закрытия. В верхнем кабинете. Вспоминали, какая у кого есть рабочая специальность. Это в ответ на замечание Лизы, что все мы «бездельники», «интеллигенты» и «руками ничего делать не умеем». Лиза – интересная девушка с пышной грудью, и поэтому все бросились доказывать, какие они орлы на самом деле. Оказалось, один был сварщиком, другой – электриком, третий – мотористом. Только я не мог ничего вспомнить, кроме школьной практики в таксопарке, где я менял какие-то пружинки на дисках сцепления. Но нельзя же сказать, что я автослесарь. Сторож не специальность, подсобный рабочий на пилораме – тоже. Но, наконец, меня осенило, и я даже усмехнулся, как это я мог забыть такой замечательный период своей жизни. Я был киномехаником! Это

вышло случайно¹. Да и работал я недолго. Это был малень-

¹ Конечно, как и все, в детстве я любил кинотеатры. Утренние сеансы по 10 копеек за билет. Мороженое. Возможно, именно об этом я вспомнил, когда меня исключили с третьего курса института за систематические пропуски. Мне не хватало духу устроиться, например, в порт, докером. Я сомневался, как я освоюсь в бригаде, среди суровых мужиков. А кинотеатр казался местом спокойным, вот я и пошел учеником киномеханика. Я думал, там работают тихие, культурные люди. Я пришел туда в черных джинсах, худой и застенчивый. Меня охотно приняли на работу, что было само по себе подозрительно. До этого мне везде отказывали. А здесь все приветливо улыбались, и скоро я с удивлением понял, что в кинотеатре работают одни женщины. Директор, главный инженер, четыре киномеханика, билетерши и уборщицы. Единственным исключением был художник, которого я так ни разу и не встретил. Он подрабатывал в нескольких местах, и я видел только афиши, которые он писал. В каком-то смысле этого было достаточно, чтобы составить представление. И вот я пришел и стал учиться, как заряжать пленку в аппарат, как в конце одной части фильма, заметив сигнальную точку в углу кадра, переходить на показ с другого аппарата, или, как это называлось на профессиональном языке, «поста». Было несложно, и большую часть времени я страдал от безделья. Учили меня две некрасивые девушки, родные сестры. Помню, что у одной были светлые волосы, и у другой тоже. Во всем остальном никакого сходства между ними не было. Помню, что одна, та, что повыше и постарше, читала пьесы Расина и удивлялась, как это длинно и как непохоже на правду, но ей хотелось узнать, чем там кончится... Иногда после последнего сеанса уборщицы просили меня помочь им вывести напившегося и уснувшего в ложе зрителя. Кинотеатр был старый, с ложами и балконом. До революции здесь было кабаре. На рабочем месте пьянство, понятно, не поощрялось, и девушки всегда успевали спрятать под стол бутылку сухого вина, когда в аппаратную входила Галина Львовна – главный инженер и единственная яркая женщина. В ней было что-то от фильмов Рижской киностудии про Америку. Сестры-блондинки были моложе, но уж совсем обыкновенные, вроде ролика кинохроники «Советская Сибирь». Изредка в аппаратную заходил улыбчивый старичок-педераст, начальник из отдела кинофикации. Я старался держаться поближе к девушкам. Они, смеясь, говорили: «Везет тебе, ты ему экзамен на категорию запросто сдашь» Я спрашивал, есть ли другие экзаменаторы. «Чем тебе этот не нравится?» **«Пока-**

кий кинотеатр. Назывался «Приморье». Теперь там театр ку-

жи, кольцо», – как-то раз сказала одна из них. Я не был фатоватым парнем, но носил на пальце кольцо. Это было связанное с одной романтической историей воспоминание, и я однажды загадал про себя, что никогда в жизни не сниму этого кольца. В юности случается давать себе бессмысленные обеты. Я неохотно протянул руку. «Дай, я примерю», – сказала моя наставница, та, что читала Расина. «Нет», – сказал я вежливо. Я улыбнулся. Это было ошибкой. Если бы я сказал, например, «отвали», от меня бы сразу отстали. Но я так не умел. Наша смена длилась шесть часов, понятно, что порой становилось скучно. Девушки решили развлечься и попытаться силой снять кольцо. Но они не могли разжать мой кулак. Тогда вторая сестренка стала меня душить, чтобы я разжал руку. Я был полный остопоп, я не умел шутить с женщинами. Нужно было просто приобнять ее, шлепнуть по попке для того, чтобы все это кончилось шуткой. Но я сидел ровно и чувствовал, что мне не хватает воздуха. Пока не потерял сознание. Падая, я ударился головой о железный стол, на котором стоял прибор для перемотки катушек. Через минуту мне показалось, что я проснулся, но при этом я не помнил, как я уснул. Испуганные сестры хлопотали надо мной. На голове вздувалась шишка, и волосы стали липкими от крови. С тех пор мы окончательно подружились. Через две недели мне выплатили первую стажерскую зарплату – 65 рублей. Приближалось время экзамена. Я трепетал. Как раз показывал в нижнем зале фильм про Володю Дубинина – пионера-героя. «Беларусь-фильм», 1962 год. Вошла Галина Львовна. «Ставь сразу шестую часть», – сказала она. Я удивился. На аппарате вертелась катушка со второй частью. «Художник перепутал время сеансов. Зрители уже на следующий пришли, там четыре школьных класса. Они нам фойе разнесут», – объяснила она. «А как же?...» – сказал я. **«Какой же ты робкий...»** – сказала Галина Львовна с непонятной интонацией. Не успел Володя Дубинин вступить в ряды подпольщиков, как к его матери уже явились строгие бойцы и молча сняли головные уборы. Сковородка выпала из рук женщины. И тут же зазвучала бодрая песня в исполнении детского хора: «Мы избрали высокий маршрут, по плечу нам вселенной размеры». Титры. Я не сразу решился выйти из аппаратной. Но зрители спокойно разошлись. Значит, так надо. За два дня до экзамена я встретил на улице старичка из кинофикации. Он шел по другой стороне и весело помахал мне рукой. Я поспешно свернул за угол и больше в кинотеатре не появлялся. Один знакомый пообещал устроить меня матросом

кол. А раньше, еще до революции, там был один из первых в нашем городе кинотеатров. Назывался «Арс». Искусство.

Ездил смотреть помещение в аренду. Под мостом всегда пробка. Я не выдерживаю, выхожу и иду пешком. Слева от меня сквер Невельского, справа – чудо сталинской архитектуры – Пограничное управление ФСБ, а по диагонали, выше, здание художественного училища, которое я помню с детства; в летний день, ближе к закату, там, рядом, стояло еще такое пышное дерево, а за ним небо, ярче или темнее, чем это обычно бывает перед грозой или после грозы; я всегда пытаюсь вспомнить и не могу вспомнить точно; помню только, что это было одно из первых ощущений смерти в моей жизни, когда я увидел этот особняк на возвышении, тяжелую, траурную зелень пышного дерева и тревожно-красивое небо. Но я не всегда об этом вспоминаю, когда прохожу здесь.

Нынешняя моя комнатуха очень уютная и чистенькая. Когда я раскладываю диван, практически не остается места. Плачу за нее относительно недорого. Относительно чего? Относительно отеля *Montreux Palace*? Усмехаюсь. Соседи не шумные. Это важно. Только прямо подо мной живет пес, больной эпилепсией. Тойтерьер. Все время лает. Удивляюсь, как у такого ничтожества может быть болезнь вели-

на плавкран, и я поспешно согласился.

ких – Цезарь, Петр, Достоевский... Это насмешка какая-то! В первую очередь над нашим человеческим самомнением.

Мне кажется, что особенное обаяние животных в том, что они молчаливы.

Еще молчаливы пейзажи.

Портреты.

Ни у кого нет венских стульев. Взять в магазине новые? Дорого... Да и не продают венские, не модно.

Узнал подробности. Ивана, оказывается, вышибли из той квартиры с треском. Вещи выбросили на улицу, и их постепенно растащили мальчишки. Жалко. Особенно книги. С другой стороны, даже за все его пожитки он бы вряд ли вырубил шестьдесят тысяч – сумма его долга за квартиру. Так что он формально в прибыли.

Вспомнил, что там оставалась еще и часть моих вещей. Всякие мелочи, которые я не стал перевозить, когда уступил Ивану эту удивительно недорогую квартиру. Он гений. А вот – поди ж, как живет...

В уме делил своих приятелей на тех, кто живет «хорошо», и на тех, кто живет «плохо». И пришел к выводу, что хорошо живут те, кто живет «плохо», а о тех, кто живет «хорошо», – и сказать-то нечего... Возможно, я первых просто лучше знаю?..

Сантехник знает, как устроен кран и сливной бачок, чиновник знает, как устроен его департамент, инженер – как работает турбина. Как устроена жизнь – не знает никто, ни биолог, ни священник. С виду тот же сантехник и, скажем, Филип Гласс устроены одинаково... Так ведь они и на самом деле устроены одинаково – вот что интересно!

Сегодня опять думал об Иване. И снова убедился, что он гений. Уже хотя бы по тому внешнему признаку, что он занимает в обществе именно то место, которое сегодня уготовано гуманитарному гению, а именно – никакое. Совершенно без применения. Только Иван сам этого не знает, ему это не понятно так, как мне, со стороны².

Лева С. достал один венский стул. Лева привез его мне со своей дачи. Подарил.

Выпил немного и сидел перед раскрытым окном в своей комнатухе. Вспомнил, что моя бывшая жена теперь верит в

² «Природа надо мной посмеялась», – говорит он. Где бы Иван ни работал, он везде был слишком тонок для этого рода деятельности. Или слишком широк, глубок. Одиночество Гулливера. Последняя работа, которую он выполнял на моей памяти, – перевод на английский язык книги генерала милиции Б.Б. пишет детективы, что естественно. Он считает их гениальными, что уже странно, но извинительно. Он номинировал сам себя на Нобелевскую премию. Это уже не нуждается в комментариях. Отправил им туда, в Стокгольм, одну из своих книг. Ждет пока. И деньги у него есть, и он заплатил Ивану аванс. Иван говорил, что ему хотелось сброситься с моста, когда он переводил новую книгу Б.

Бога. Смеялся. Она говорила, что «Человек-амфибия» – бесовский фильм, ведь там поют «мне морской теперь по нраву дьявол».

На работе я всегда чувствую себя хорошо. Иногда я думаю, что, если бы я не имел личных интересов, собственности и жил прямо на работе и одной работой, – я был бы счастлив. Личное меня изматывает, а труд делает свободным.

Снова смотрел помещение, потом ехал из центра на работу. Нужно просто сесть в автобус и ехать все время прямо по главной улице, пока она не кончится, перейдя в другую, и по этой другой тоже почти до конца, пока трубы ТЭЦ не окажутся совсем рядом, огромные и слегка ненастоящие вблизи.

У нас два кабинета. Из нижнего кабинета, в котором стоит американский флаг и висит портрет Обамы, я вижу старые двухэтажные каменные дома – окна «фонарем». Они покрашены в желтый цвет, ставший от времени неровным, как будто краску брали из разных бочек. На балконе второго этажа часто курит полный пожилой мужчина. Мне скучно даже вообразить его жизнь.

А вдруг он счастлив?..

Вспоминая прошлое (свое), я неминуемо кажусь себе дураком. Это нормально? Так должно быть? Судя по разговорам других людей – нет. Или они кривят душой, когда вспо-

минают свое прошлое? Одни вопросы... В детстве у меня не было вопросов. Мне было все и так понятно. Я ничего не знал, но понятно мне было все! Теперь я, кажется, многое знаю, но ничего не понятно... Замечательно!..

Понедельник. Будильник я ставлю на 6:30, но все равно просыпаюсь раньше минут на десять. Досадно, когда воскресенье, а ты все равно просыпаешься рано³.

Может, не нужно венских? Дались мне венские! Может

³ Помню, в детстве, на каникулах, приучался к режиму дня. Хотел жить по расчерченным квадратикам расписания. Вычерчивал по линейке, выписывал дела и останавливался, глядел в потолок – выдумывал, что еще сделать, к чему приучиться для пользы... Оставалось много незаполненных квадратиков. Потом не мог уснуть от ожидания завтрашней, уже серьезной и взрослой жизни по режиму. А утром едва поднимался, шатаюсь, брел в ванну. После зарядки и кружки чая открывал учебник английского и с первыми лучами солнца сладко засыпал над ним. Теперь я не могу избавиться от этого режима, он уже сам всем дирижирует за меня, а я только подчиняюсь, как автомат, и почти не участвую мыслями в том, что делаю. Мыслями я где-то далеко. Утро, я смотрю на китайцев, которые по одному, парами и целыми компаниями бодро спускаются под гору из своего общежития «и водку пьют, как ласточки с Янцзы». Потом еду в быстром, шатающемся трамвае; светясь задними фонарями, стоит бесконечная вереница машин в пробке, а трамвай летит, в нем все качаются с остановившимися лицами, и я вижу в трамвайном окне отражение своего, такого же, как у других, лица «и не живу, и все-таки живу». Но как будто на другой планете или в другом году, сквозь который вижу этот год, этот трамвай... В величественном холле «Примбанка» между колоннами стоят аквариумы с золотыми рыбками, уже выполнившими все желания учредителей, выдоенными и сразу поглупевшими, бессмысленно пучеглазыми. Я проверяю свой счет. Прикидываю, сколько будет стоить аренда помещения.

быть, другие подыскать? Но мне всегда представлялось, чтобы были венские. Можно не новые.

Некоторые удивляются, как я живу без телевизора, а я удивляюсь, как можно жить с телевизором? Везде, когда их вижу, выключаю звук.

Сегодня в коридоре стояли толпой дворничихи-узбечки, ожидая выхода маленькой, очень полной женщины с луженой глоткой и круглыми, навывкате, глазами. Эта «луженая» из домоуправления командует ими, как плантаторша. Стояли их мужья с новенькими деревянными лопатами. На лопатах маркерами были подписаны имена: Амир, Санжар, Камиль, Гайрат. Строгие, как дети с подарками⁴.

⁴ Мне пришлось протиснуться мимо них, чтобы открыть ключом дверь своего кабинета. Они смотрели на меня и жались к стенам, принимая за какого-то отдельного начальника. С нами по соседству – стоматолог, с другой стороны солярий, через коридор, напротив, управляющая компания. Есть еще магазин, парикмахерская, центр дошкольного развития, кабинет медицинской диагностики и спа-салон. Все это на двух этажах небольшого офисного здания. Все друг друга знают и здороваются. В магазине можно взять какую-нибудь мелочь в долг. Протезист за стеной любит включать музыку, когда трудится над своими протезами, и иногда по вечерам запирается там с медсестрой. Юноша, владелец солярия, – сын той женщины, что держит парикмахерскую; тринадцатилетний сын зубной врачихи ходит к нам на занятия, и два раза в месяц его мама расплачивается с нами деньгами, полученными от своих клиентов, в том числе от парикмахерши и ее сына, которые лечат там зубы со скидкой. Мы живем почти как биологический организм или феодальное государство. Накануне праздников все приподнято, оживлено, нарядно. В коридоре пахнет салатом. Дамы бегают в парикмахерскую, делают прически. В непогоду, когда начинается такая метель, что я не вижу из своего окна соседнего дома с вечным курильщиком на балконе, или

Утром лежал и слушал, как поют за окном птицы. Не хотелось вставать. Зачем я все это делаю? Затем, чтобы не думать и не знать; не думать, для чего я вообще живу, не слушать, как поют птицы. Может быть, если бы я так пролежал целый день вместо того, чтобы идти на работу, я бы что-то понял... Нет, даже в выходной я ведь не лежу и не слушаю птиц, я встаю, что-то делаю, куда-то спешу, чтобы только не думать, не понимать... Видимо, это что-то такое, чего понимать не

когда налетает первый весенний тайфун и глинистые потоки, бегущие с сопки, несут с собой камни и гравий, мне бывает весело думать, что нашу офисную коммуны снесет к черту и поплывем мы как некий ковчег новейшего времени, со своим соларием и зубными протезами, и бог весть когда и куда пристанем, к какому Арапату... Вода сойдет, и мы побредем по опустевшей земле, расклеивая квитанции на оплату ЖКХ и ища покупателей на зубные протезы. А я потащу портрет Обамы и стану, подобно святому Франциску, видимо, преподавать Holy Bible животным и птицам. Или лучше взять портрет королевы Елизаветы? Он у нас в другом кабинете на втором этаже. Там проходят групповые занятия. У меня пять групп и пять индивидуальных занятий. Иногда после этого я еще еду на частные уроки, и под конец, вечером, когда я в бесчисленный раз объясняю группу времен Simple, у меня такое ощущение, что я слышу себя откуда-то со стороны и голос мой звучит как в колоде. Раньше мне не сразу удавалось перестроиться со студенческой аудитории на школьников, но потом я понял, что большой разницы между ними нет. И знают примерно одинаково. Когда у меня бывает свободное время, например, в автобусе, я сочиняю сказки. В этих сказках действуют английские глаголы: правильные, неправильные, модальные; стоят феодальные замки грамматических времен... Моя мечта – написать книгу, которая побьет тиражи великого Голицынского в зеленой обложке. И тогда я буду благоденствовать на отчисления от переизданий. На втором этаже, в просторном кабинете с фотообоями, изображающими Тауэр и Темзу под мостом, проводит уроки директор нашей школы, жгучая брюнетка с формами секс-бомбы. Раньше она работала школьной учительницей, и старшеклассники пытались рисовать ее на уроках. **English teacher Inga.**

нужно?.. И тот, кто понял, тот уже никогда не сможет ничего больше делать?.. Так и будет лежать... Птиц слушать... Или сделает что-то невероятное?.. Рискованно, но попробовать когда-нибудь стоит.

В нашем офисном здании, в кабинете на втором этаже, окно выходит на подпорную стену, очень гладкую и по утрам розовую от утренних лучей, лежащих на нее под углом, сбоку. А на подпорной стене вровень с нашим окном стоит двадцатифутовый контейнер лимонного цвета. И когда за окном пасмурно, приятно смотреть вместо солнца на этот контейнер. Представляешь себе далекие страны, путешествия, пальмы, смуглых мулаток или ничего не представляешь, а просто смотришь и улыбаешься. В этом контейнере склад запчастей, там по соседству автомастерская. Весной можно открывать окно и слышать, как разговаривают рабочие. Это бодрит⁵.

Сегодня встретил Ивана. Гуляли по скверу в центре. Разговаривали. Иван сказал мне, как называются розовые цветы на кустах, мимо которых мы проходили, и какое правильное ударение в слове «кета». Я не знал. Спросить о долге было

⁵ «What are you laughing about? So mysterious...» – спрашивает меня **English teacher Inga**, стоя на фоне нарисованной Темзы и нарисованного Тауэра, как на съемочной площадке. Я не говорю ей, что иногда под пальмами вместо мулаток я невольно представляю ее. Это бесполезно. У нее роман с неким артистическим проходимцем, который ходит в шарфе, завязанном богемным узлом.

неудобно. Может быть, в следующий раз. Скоро опять платить за квартиру. Считал, сколько останется. Заметил у себя новую привычку – считать в уме деньги. Вспомнил, что это вообще не совпадало с планами. Ну, в смысле, еще с теми, когда мы подсчитывали, сколько нам будет в 2000 году, когда построят мост и коммунизм.

Теперь у меня день расписан по клеточкам. В клеточке фамилия ученика и сумма. Там все по дням недели. Вот все время и считаю в уме эти клеточки.

Ездил смотреть помещение. Сдают в субаренду. В центре. Потолки высокие, «много воздуха». Четыре узких окна. Два на южную сторону, два на западную. Площадь, ну, где-то пять на двадцать. Полы деревянные, крашенные, но уже облезли. Мне это даже кстати, создает стиль. По понедельникам и субботам здесь йога. В остальные дни собираются какие-то сектанты сетевого маркетинга. Пятница остается. Пятница мне подходит. И недорого выйдет. Только окна надо завесить.

Вечером приходит группа. Четыре девушки. Все десятиклассницы. Они вечно перешучиваются и перепируются друг с дружкой. Когда даешь пятиминутное задание, ни одна из них не хочет отвечать первой, и каждая говорит с кокетливой обидой: «Ну почему я?» – «**Потому что вы всех лучше!**» – отвечаю. И они расцветают смущенно.

Мы работаем с заданиями по аудированию из учебника Т. Дроздовой. «Так, посмотрим, что у нас здесь...» – говорю я, включая запись. Мы слушаем диалог. Они слушают, а я делаю вид, что не слышал его раньше. Вернее, уже даже вида этого не делаю давно, а просто киваю или качаю ногой, сидя на подоконнике. За моей спиной в синеве вечера чиркает зажигалкой на своем балконе вечный курильщик. Я останавливаю запись. «Что вы поняли?» Возвращаемся назад. Снова включаю. Текст про французскую актрису Брижит Бардо. Никто из них не знает такой актрисы. (*Sic transit gloria mundi.*) Я с небрежной легкостью пишу по памяти первые три предложения текста на доске. Мог бы и весь написать. Я слушал этот текст бесчисленное количество раз. Я должен бы его ненавидеть. Но он мне нравится. Он стал частью меня. Я могу проследить историю своей жизни за последние десять лет по этому тексту. Для меня он давно уже не про Брижит Бардо.

Видел, в грузовике повезли стулья. Сложенные штабелями. Обмотанные бумагой ножки и спинки. Но не венские.

Еле заставил себя подняться. Все надоело. Каждый день одно и то же. Устал и скучно. Незачем. И сколько все это будет продолжаться. И к чему? К чему приведет, известно. А зачем? Но, конечно, все-таки вышел. Все вышли. Идут. Утро хорошее. Но бесполезное. И поэтому оно хорошее. А мы ради чего-то, ради какой-то пользы... ползем. Поэтому

и нехорошо. Устал. И от этих рассуждений устал. Противно, а все думаешь по привычке. Стал просто приглядываться к предметам, чтобы не думать. Забор. Трамвай. Киоск. Поехали. Пассажиры. Вышел. Пошел знакомой дорогой вдоль знакомого забора. И – вдруг – новая надпись на заборе. «Я» – дальше нарисовано сердечко, а после него слово – «говно»! Смеялся. Пришел на работу в отличном настроении.

За нашим офисным зданием идет крутая тропинка в зарослях аптечной ромашки. Тропинка поднимается на пригорок. Там стоит колонка. Люди из соседнего деревянного дома ходят к ней за водой. У них нет водопровода⁶.

Вчера подарил Ивану книгу. Щепкина-Куперник. Театральные воспоминания. Сегодня он мне позвонил, говорит: «Спасибо. Изумительная книга!» Уже прочел. Там страниц триста с лишним⁷.

⁶ И отопления нет. Они топят дровами. Это в современном городе, где недавно с помпой проходил саммит АТЭС. А если в деревни поехать, думаю я... Вот живет там бабка, пенсия у нее пять тысяч, машина дров на зиму стоит шесть тысяч... И нет у нее никого, кроме кошки. Сидит она зимой одна и смотрит в окно. И вот она что должна думать, когда смотрит? Это закачаешься. Это бездны. Это никакого Шопенгауэра и Кастанеды не хватит, чтобы описать, хоть примерно, что она думает. Но это, наверное, только так кажется. А на самом деле ничего такого особенного она не думает. Что-нибудь бытовое, по хозяйству: как день прожить, кошку накормить, чай вскипятить, суставы мазью натереть... Вот и день прошел. Но ведь что-то огромное стоит за этим недуманьем.

⁷ У меня только в юности так было, чтобы я целый день читал книгу и ничем

Был у Димы в музее. Шаги отдавались по пустым залам. За высокими окнами медленно смеркалось. Слушали Вертинского. Я вспоминал то, что мне рассказывал отец о Вертинском, о двух его стихотворениях, будто бы посвященных Вере Холодной: «Вы стояли в театре, в углу, за кулисами» и «Ваши пальцы пахнут ладаном». Второе якобы очень напугало Веру Холодную. Как предзнаменование. А Дима рассказал загадочную историю о проклятом немом фильме «Алая леди» 1928 года с Валентиной Зиминой в главной роли.

Потом пришел Лева, сказал, что мы неправильно сидим, и поставил на стол бутылку коньяка. Дима достал печенье. Я сказал, что подруги женщин, которых я выбирал в жены, почти всегда были какими-то монстрами. Даже внешне. Одна толстая до безобразия, другая без зубов, третья с кривым лицом. И все чудовищно глупы. Может быть, мне стоило отнестись к этому серьезнее в свое время? «Скажи мне, кто твой друг, и т. д.». С другой стороны, и мои друзья, в большинстве своем, не вызывали симпатии у моих жен... Я сказал, что другое дело – любовницы, любовницы дружили со всеми моими друзьями, зато подруги любовниц меня про-

больше не занимался. Всегда в такие дни был счастлив. Как будто над реальностью. Пробовал. Больше так не получается. Читаю, а думаю о другом. А вот Иван может по-прежнему. «Гений – это внимание», – сказал Кювье, сказал Дидро, сказал Ларошфуко и т. д. Как Ивану удастся сидеть и, не отвлекаясь, с восхищением читать ненужную ему книгу в его бытовых, финансовых, психологических и проч. условиях, – для меня загадка. Гении загадочны.

сто ненавидели и всячески очерняли... «Как?» – спросил Лева. «Они говорили, что со мной не стоит связываться», – сказал я. «Понятно», – сказал Лева, и они с Димой засмеялись. Потом я сказал, что тут психологическая загадка и над этим еще предстоит подумать поколению психологов! Дима и Лева слушали меня со стаканами в руках. Лева сказал, что раньше в женщинах ему нравились ноги, а теперь почему-то больше нравится грудь. А одна знакомая дама недавно сказала ему: **«Лева, придет время, и тебе будет нравиться только жопа!»** И он до сих пор ломает голову над этим предсказанием. Мы чокнулись и выпили за то, что в мире так много тайн. Потом мы с Димой вспомнили про нашего друга Сашу, пожалели его, что он женился и теперь не заходит в музей. Лева не знал Сашу, но кивал, соглашаясь.

В подвальном этаже было влажно, душно и пахло тиной. На сыром каменном полу шипел мокрый шланг, над большими аквариумами горели люминесцентные лампы. Мы по очереди спускались сюда. Здесь был туалет. Закуска кончилась, и Лева сказал: **«Давайте съедим рыб из аквариума»**. Дима ответил: **«Давай я тебе принесу чучело бобра, оно списанное, можешь его съесть»**. Когда мы с Левой вышли, на улице было тихо и прохладно. Фальшивая позолота светилась на Арке Цесаревича, подсвеченной снизу. Дима помахал нам рукой, запирая дверь. Лева выбросил в урну пустые бутылки. Грохот оживил ночную улицу⁸.

⁸ Я пошел пешком. Впереди, приближаясь, висел мост с малиновыми огонь-

ками на верхушках пилонов. Справа по акватории шел катер с зеленым огнем. Звук проезжающих машин отражался от здания Пограничного управления ФСБ. Влажные провода поблескивали над дорогой, повторяя ее плавный изгиб. Неожиданно я понял, что оставил в музее свой телефон. Я повернул назад и скоро дошел до поворота на улицу Петра Великого. Стал спускаться, снова приближаясь к подсвеченной Арке Цесаревича, когда, взглянув налево, увидел, что дверь кинотеатра, в котором я когда-то давно работал учеником киномеханика, открыта. Кинотеатра здесь давно уже не было, а был театр кукол. Но в открытой двери стояла та самая Галина Львовна, главный инженер, ничуть не изменившаяся. Молча, она манила меня рукой. Я нерешительно поднялся по ступенькам и вошел в темный вестибюль. Даже в полумраке я заметил, что здесь, оказывается, все осталось по-прежнему. В темноте мерцали какие-то нити вроде серпантина или тех полос, что бывают на старой киноплёнке. «Какой ты робкий», – сказала Галина Львовна, улыбаясь в темноте. Я прошел в гулкой тишине до окна. Машинально глянул и остановился. Моста через бухту не было. Голова у меня закружилась... «Да просыпайся ты, очнись!» – тормозили меня две сестрички-киномеханики.

2

Стулья

Вова Б. сказал, что достанет мне стулья. Года полтора назад он предлагал мне купить двигатель для танка.

«Новый!» – подчеркивал Вова⁹.

⁹ Вова не похож на остальных моих знакомых. Мы десять лет были соседями. Сам Вова считает, что мы с ним друзья. Подвыпив, он твердо глядит мне в глаза своими глубоко посаженными серыми глазами и произносит строго: «Ты в моем мире очень много значишь». Что это за мир, я не имею представления. Я действительно знаю Вову очень давно, поэтому всегда киваю, когда он говорит о нашей дружбе. Мы познакомились, когда он пришел к нам ставить унитаз. Вова тогда работал слесарем. Оказалось, что он живет через четыре двери от меня в том же длинном мрачном коридоре, освещенном единственной лампочкой. Это было кстати, мрак скрывал, хоть отчасти, всю эту копоть и паутину по стенам, отбитую штукатурку и сорванный с пола линолеум. Линолеум обрывали дети. На нем они катались зимой, как на санках, по склону рядом с бойлерной. И, глядя на них в окно, я вспоминал картину Брейгеля «Охотники на снегу». В морозные дни от бойлерной поднималось особенно много пару. Смотрелось торжественно. До слесарей Вова был прапорщиком. В девяностые устроился в ГАИ. Это был взлет его карьеры. Он ходил перепоясанный белой португеей, красный лицом, непрекаемый. Дарил своей супруге подарки. Однажды он подарил ей рога. Большие, оленьи. Жене это не понравилось. Но Вова объяснил, что это произошло случайно. Они с напарником, Ивановым, ехали на патрульной машине, выпивши. Проскочили на красный свет и столкнулись с другой машиной, в которой было два мужика, со всей дури летевших на зеленый. В наказание за беспечность гаишники осмотрели багажник и нашли там поломанную швейную машинку и рога. Прапорщик Вова взял себе рога, а напарник Иванов – поломанную швейную машинку. Рога прибили к стене над кроватью. И гражданская жена прапорщика всегда смеялась, когда он рассказывал ей эту историю про рога, и, смеясь, гово-

Сегодня мы столкнулись случайно. На Вове были камуфляжные брюки, заправленные в берцы. Из ГАИ он давно уже ушел после одного досадного недоразумения. Он часто ездил слегка датый. И вот однажды стукнул в очередной раз машину какого-то очкарика на перекрестке. Вышел и стал брать его на горло, пинать ногой мягкое крыло машины. Глотка у Вовы луженая, командирская. А очкарик возьми да и окажись ментом, полковником. Не повезло. С каждым может случиться. Убрали Вову из ГАИ, и вот с тех пор он служил прапорщиком на складе военной техники. Там уже до него все разворовали, оставался только двигатель для танка.

«Нет роста, – жаловался Вова, разводя руками. – Нет перспектив».

Я кивал. В сущности, он прав, перспектив мало. Вова всегда тянулся к большему, как бы ощущая, что прапорщиком он стал случайно, по некому недоразумению. И я всегда считал, что совершенно случайно преподаю английский. Больше всего Вове нравилась компания интеллигентных людей. На нашем этаже в те давние времена их было немало¹⁰.

рила ему: **«Дурак ты, Вовка!»** А он тоже смеялся и принимался рассказывать эту историю еще раз. И жена снова смеялась. Редко встречаешь счастливые семьи.

¹⁰ Актер Театра юного зрителя Толик Сыркин, светловолосый, похожий на испитого ангелочка, он после третьей рюмки пел высоким голосом и приглашал танцевать мужчин. Капитан плавкрана Саша, величественный толстяк, выпивавший зараз половину трехлитровой банки пива и во время дискуссий в подтверждение своей правоты всегда кричавший собеседнику: **«Подпишись!»** Вадик, директор бани, ходивший в трико и длинном кожаном плаще по соседям, чтобы узнать, где от него прячется супруга. Во внутреннем кармане он всегда носил

В ответ на Вовины сетования я пожаловался, что нигде не могу достать венских стульев. Он спросил, сколько мне нужно, и потом задумался, глядя то вдаль, то на свои берцы. Спросил, есть ли у меня сто пятьдесят рублей. Я сказал, что есть, и мы сразу пошли в магазин. Потом зашли в арку, где раньше была редакция газеты. Вова отвинтил пробку, сделал несколько глотков и протянул мне. Я сказал, что не хочу, и Вова спрятал бутылку во внутренний карман пятнистой куртки. «Приходи вечером», – сказал он.

Я и не знал, что мы поедем с Вовой «грабить» милицию. Это был клуб им. Дзержинского. На проходной за тусклым пластиковым стеклом сидел перед телевизором скучающий Иванов. Тот самый бывший Вовин сослуживец, тоже уволенный из ГАИ по какому-то пустяку. Иванов всегда восхищался своим другом. Памятником этому восхищению долго был необыкновенной формы шрам на лбу Иванова. Однажды после долгого застолья – сначала в части, потом на детской площадке – Иванов никак не хотел расстаться с Вовой; шел за ним до самой квартиры в приподнятом настроении и что-то говорил, говорил, размахивая руками, пока Вова не захлопнул дверь перед его носом. Тогда Иванов посидел немного в коридоре на одном из тех ящиков, в которых жильцы храни-

бутылку портвейна, объясняя, что это помогает ему от давления. У него часто кружилась голова. Славик, полный и румяный продавец из ближайшего пивного ларька, который никогда не кичился перед нами своим высоким служебным положением. И по утрам мог по-товарищески отпустить в кредит. «Какие люди!.. Что вы? Где вы?..» – подумал я.

ли картошку и всякий хлам. Ему стало скучно, и он постучался к Воле. Воля открыл, увидел приятеля и послал его. Иванов снова посидел на ящике и снова соскучился без друга. Тогда он опять стал стучать в дверь. Воля долго не реагировал. Иванов стал беспокоиться, не случилось ли что-нибудь с товарищем. Он принялся стучать кулаком, потом ногой. Наконец Воля открыл и сразу же ударил Иванову в лоб молотком для отбивки мяса. Иванов упал на спину. Дверь закрылась.

Теперь, увидев друга, Иванов вскочил со стула и радостно бросился навстречу. Бренча ключами, повел нас по коридору. Я чуть задержался, чтобы убрать громкость телевизора. Иванов открыл одну створку высокой, тяжелой двери. Щелкнул выключателем. В пустом зале, в углу, как кости доисторических животных, лежали стулья. Большей частью поломанные, с побелевшими от времени спинками и продавленными сиденьями. Но венские! Выпили по такому случаю. Иванов почесывал подбородок. С гордостью сообщил: **«А я скоро в оперативники перехожу**, надоело здесь, засиделся». – «Не страшно?» – спросил его Воля. Но Иванов не почувствовал насмешки и ответил, что нет, ему не страшно. «У меня реакция отличная!» – сказал он. И даже изобразил, как он умеет выхватывать пистолет из кобуры. **«Молодец»**, – похвалил его Воля на прощание. Иванов обрадовался и хотел еще раз показать, но Воля остановил его: «Хватит! Еще пальнешь сдуру, знаю тебя...» Мы ушли.

Все хотят куда-нибудь уехать¹¹.

Вообще, буквально все мечтают. И не едут, как прави-

¹¹ Лева мечтает уехать в Калининград. Предлагает махнуть с ним вместе, говорит, что там Европа и продают тильзитское пиво, говорит, что в Азии он уже везде побывал. «А, кроме пива, там – что хорошего есть?» Лева посмотрел, прищурился и говорит: «А тебе что, этого мало?» Я согласился, что этого достаточно, и Лева сказал: «Во-от, то-то же...» А Костя мечтает уехать в Исландию. Он поэт. Любит кельтский эпос и проч. Это серьезная причина. Наталья Д. хочет уехать на Кавказ, там живут не испорченные европейским разложением люди. Она считает. И мужчины там щедро одаривают вниманием пышных блондинок. Дима А. хочет поехать в Китай. Он и так регулярно туда ездит, в Янцзы. У него там приятель Сергей. Преподает в университете русский язык. И в ресторане обед из семи блюд на четверых стоит совсем ничего. Они вдвоем его съедают за три часа и потом гуляют по набережной Янцзы, чтобы не умереть от разрыва внутренностей. А вот Ольга Л., наша преподавательница из английской школы, взяла и на самом деле уехала в Новую Зеландию и там вышла замуж за кивоса. Они там себя кивосами называют, не в честь фрукта киви, как я сначала думал, а в честь местной птички – киви... Но этот кивос был из Челябинска. Тоже туда свалил, в Зеландию, и тосковал по родине, по нашим бабам. Вон она под эту тему его и подписала. Теперь вместе там тоскуют. Он по ЧЗПТ (Челябинский завод промышленных тракторов), она по Дальхимпрому. Там практически у всех депрессия и яхты. И как только на них депрессия эта накатывает, они садятся на эти яхты и уходят в море спасаться. Это там называют sea-life. («А вот у нас яхт нет, – думаю про себя... – Ну, так у нас и депрессий ведь не бывает. Скажет кто-нибудь, что у него, мол, депрессия, а на самом деле это он, скорее, так, покрасоваться».) Валера Х. хочет уехать в Антарктиду. Ему все надоело. Я спросил, почему не в Арктику, ведь она ближе. Он посмотрел на меня и говорит: «Антарктида как-то культурней». Виталик Р. мечтал съездить в Венецию. Украл сумочку у нашей вахтерши, когда приходил ко мне на работу показать свои стихи. Сказал: «Мне ничего не будет. У меня справка есть». Я отобрал сумочку, вернул. Виталик каждый год проходит курс в психоневрологическом диспансере. Ему там Венецию включают.

ло. Денег нет, заботы не пускают, семья... А так буквально все бы разъехались. Я с недавнего времени специально стал спрашивать у знакомых. Узнал много интересного. И для себя тоже выбрал. Я уеду на Тристан-да-Кунья. Остров. Аэропорта нет, регулярного пассажирского сообщения нет, преступности нет, сотовой связи нет, армии и полиции нет, налогов не платят. И климат не жаркий. Идеально. Столица – Эдинбург Семи Морей – поселок... (Вроде нашего Рыбачьего на Горностае.) Так я раньше фантазировал. А теперь не поеду. Теперь у меня есть двадцать венских стульев из милиции и еще один, тот, первый, что Лева подарил.

На радостях набрался храбрости и пригласил **English Teacher Inga** в кафе. Вот так, с ходу! Удивилась, улыбнулась, отказала. Говорит, что у нее вечером йога. Фу-ты ну-ты!

Сегодня утром видел двух стариков в одинаковых куртках, одинаковых фуражках-жириновках, одинаковых брюках и ботинках. Оба седые, кривоногие, как таксы, и совершенно одинаковые на лицо – двойняшки. Старички – Чук и Гек.

После работы гулял по корабельной набережной. Было солнечно, вода отсвечивала масляным блеском.

В детстве я был торпедным катером. Не просто капитаном, а еще и двигателем, штурвалом, корпусом, торпедами,

локатором, матросами – в общем, всем вместе. Ну, и капитаном, конечно, тоже. Я думал, что, когда вырасту, стану ракетным крейсером «Варяг», флагманом всего Тихоокеанского флота СССР. В кремовой офицерской рубашке и черном галстуке с медной запонкой я стоял в рубке у штурвала, я был гладко выбрит, уверен и спокоен, мне было весело, но я не показывал своего веселья из мужественности... Страшно подумать, – *что я есть теперь!* – по своей прежней морской классификации. Буксир?.. Плашкоут?.. Вообще я пошел за клеем, надо купить несколько пачек ПВА. Свернув вверх на улицу Петра Великого, я неожиданно вспомнил свой сон про старый кинотеатр. Помнил, как вошел в вестибюль, как удивился, не увидев за окном моста, а дальше не мог вспомнить. Ведь было что-то дальше?..

Максимка не пришел. Звоню его маме, не берет трубку. Сижу. А мог бы лишний час поспать. Смотрел, как проходят мимо окна дворники, потом девочка выгуливала собаку. Трава на газоне еще зеленая. Цветы уже сожгло заморозком, торчат сухие. В доме напротив меняют крышу. Новенькие листы жести ослепительно блестят. На второй урок приходит дотошная мамаша, ей хочется присутствовать. Она сидит в уголке. «Не горбись! Следи за осанкой!» Девочка при ней как натянутая струна. Не понимает того, что я объясняю. Я украдкой сравниваю их лица. Похожи, конечно. А разница не только в возрасте. Тут другая разница главнее. По матери

видно, что она очень энергичная и вполне законченная дура. А девочка пока еще волшебной светлая, открытая... На третий индивидуальный урок приходят сразу двое мальчишек. Один перепутал время. Ну ладно, соглашаюсь я, в душе радуясь – сэкономлю потерянный с утра час. Но потом снова два «окна» подряд. Я опустил рольставни, запер дверь, снял ботинки. Лежал на столе, подложив под голову книги¹².

¹² Думал, может, усну. Было темно, только один луч пробивался через какую-то шелку в ставнях. Сразу стали отчетливо слышны шаги и обрывки разговоров в коридоре. Вспомнилось детство, когда днем, для забавы, нарочно прятались и сидели в ванной, в темноте, или забирались в сараи. Еще вспомнилось, как прошлой зимой я болел и лежал с температурой в той квартире, из которой недавно выгнали Ивана, а соседи сверху ломали стены перфоратором, но мне время от времени все-таки удавалось уснуть. Окна выходили на юг, и на них не было занавесок, казалось, что день будет длиться бесконечно. А сейчас мне почему-то даже приятно вспоминать этот день. Я его часто вспоминаю, а вот, например, день своей свадьбы с женщиной, **созданной для любви** (так мне один раз сказали про нее), почти никогда. Для любви и бессердечия, добавил бы я. При этом была очень сентиментальна. Плакала, когда открыла для себя творчество Стаса Михайлова. Помню пару моментов в ЗАГСе, уродливые фотографии, ресторан «Чайка» (или это кафе?... скорей кафе). Это была ее идея. Насчет свадьбы. Меня и так устраивало. Шея затекла на книгах, положил под голову сумку, но все равно... Вспомнил, как я сладко спал на железнодорожной платформе, укрывшись брезентовым плащом и положив под голову кирпич. Но когда это было! Времена далекой юности. Торговый порт. Я вспомнил табельщицу Лену с пятнадцатого причала; как мы по ночам пили с ней чай, заваривая его прямо в стаканах, и под утро становилось горько во рту. У нее был впереди золотой зуб. Докеры шутили: «Ленка! У тебя ведь он один настоящий, остальные искусственные». После часа ночи табельную можно было закрыть, шторы задернуть. Я бросал свой пост. А утром с моря шел туман и все металлические предметы покрывались холодной росой. Мой сменщик неторопливо выходил из тумана в черной железнодорожной шинели.

Осматривал стулья, понял, что одним клеем тут не обойдешься. Купил еще наждачной бумаги, шурупов и лак.

Холодает. Люди одеваются теплее. Сегодня мне навстречу шел старик в хорошем, но уже обтрепанном пальто и роскошной ондатровой шапке, таких теперь уже не носят и не делают. А раньше такие шапки по зиме срывали. Дорогие. При социализме был дефицит. Я представил себе день, когда старик покупал эту шапку. Был еще не старый, просто солидный, выбирал вместе с женой, тоже солидной дамой. А дома у них была, скорее всего, «стенка», и какая-нибудь не простая, а какая-нибудь прибалтийская или польская, и люстра хрустальная, и цветной телевизор «Рубин». Все обветшало, кануло, но шапка жива. Она блестит мехом и смотрится даже живее, чем лицо старика. Когда он умрет, шапка еще долго будет блестеть.

Сегодня первым пришел Дениска. Мальчик с усами. Он еще ничего не сделал. Только сел. И улыбался. А я уже подумал в сердцах что-то вроде: **«О боги! Что ждет эту юность?..»** Начали с неправильных глаголов. Учим их полгода. Твердо знаем уже три штуки. Здоровая натура сопротивляется знаниям, цепляется за счастье неведения... Ему бы в кавалерию определиться, как раньше. Вышел бы толк. Я стал думать о гусарах, и сам неожиданно сделал такой заход – взял и снова пригласил **English teacher Inga** в кафе.

Это было дерзко. Давно собирался. Я вообще не робок. Но тут как-то... даже не знаю. Словом, это казалось мне дерзко, хотя – что такого? Инга согласилась, но не сегодня. Говорит, удобнее на той неделе. Ну хорошо... А я уже представил, что она сразу вот так согласится, и даже нервничал последние два урока в предвкушении.

Старички, бывает, и старухи, на огромных «лендкрузерах» и «лендроверах» степенно разворачиваются, отъезжая от парковки перед супермаркетом. А другие старички исследуют содержимое мусорных контейнеров за этим супермаркетом. Мне кажется, что вторые смотрят на первых без вражды, а первые на вторых – без особого сострадания. Сильные эмоции вредны и тем и другим, в старости надо беречь сердце. И не факт, что первые счастливее вторых.

Сегодня с утра перешел в атаку, предложил **English teacher Inga** поехать со мной на Тристан-да-Кунья. Рассказал, как там здорово и ничего нет. Она сразу согласилась. Но в кафе пока не идет. Какие-то дела у нее все время...

Люди (женщины) охотнее соглашаются на что-нибудь невероятное. Гипотеза. Надо проверить...

С утра был туман. Тепло. Капало с крыш. Днем вышло солнце и похолодало. В обеденный перерыв выходил в ма-

газин за кефиром. Вода, капавшая с крыш, намерзла внизу ровной полоской. Всю неделю проверял свою гипотезу... Интересные результаты¹³.

Предложил Ирине Б. ограбить сберкаассу¹⁴.

В парикмахерской «Ариадна» работает слепая парикмахерша, пенсионерка. Я это знаю, потому что сам там стригся. Я тогда не знал, что она ослепла после того, как у нее погиб сын. (Узнал позже, случайно, у другой парикмахерши.) И что ей теперь делать на старости лет? Раньше она была хорошим мастером, теперь стрижет на ощупь и по памяти. Клиента она видит, и вам кажется, что она вполне зрячая. Но перед

¹³ Предложил Елене И. отправиться на Луну. Криво улыбнулась, как бы снисходя к моей вялой фантазии. Сделал вывод: надо, чтобы предложение звучало убедительно. Предложил Анне С. отправиться со мной в этнографическую экспедицию на Тибет. «Это что, мумии там раскапывать?» – спросила она. Я почувствовал, что дело пойдет. Стал рассказывать ей о Тибете, о буддизме. Сказал, что у нас уже есть план и смета. Можем взять ее поварихой. Оплата достойная. Она слушала и потом сказала: «Ты лучше в театр меня пригласи». Сказала, что она ни разу в жизни не была в театре. Я подумал, шутит, повел ее в театр. Она называла антракт перерывом, а театральный буфет – столовой. Пьеса ей понравилась, в финале, когда герой умирает, она сидела со слезами на глазах. В каком-то смысле на нее было смотреть интересней, чем на сцену, особенно на ее красивые ноги.

¹⁴ Сказал, что у нас уже есть преступный союз единомышленников и для успеха операции не хватает только женщины. Она смотрела на меня и, конечно, понимала, что так не бывает. А я ей говорил, как всегда говорят в фильмах, что делать ей ничего не придется: всего только постоять в нужном месте и взять у нас сумки с деньгами. «Ваша доля сто миллионов», – сказал я щедро. «Сколько?!» – спросила она. А ведь не верила ни единому моему слову.

ней все размыто и полутемно. В этой размытой полутьме она держится за единственную нить, свое ремесло. Интересно, кто придумал название парикмахерской. Ведь не она же...

Ученик Илья теперь ходит в спортивную секцию по бадминтону. Поэтому у него не получается ходить на английский в понедельник, как раньше. Девочка Катя ходит на музыку, поэтому ее надо перенести со вторника и пятницы на другие дни. У Леши репетитор по математике, поэтому его надо поставить на час раньше вместо Алины. Но мама не может забирать Алину на час позже, ей неудобно, а самой Алине страшно идти вечером одной. Настя ходит на танцы, поэтому будет пропускать каждую пятницу, если ее не поменять с кем-нибудь местами. Я сижу и пытаюсь решить эту головоломку, бесконечно созваниваясь с родителями учеников. Я паук внутри сложной паутины, постоянно обеспокоенный ее ремонтом и строительством. И на выделение этих паутинных желез уходит почти вся моя умственная и физическая энергия¹⁵.

¹⁵ Родители Миши обеспокоены его успехами, вернее, отсутствием таковых. Я говорю им: «Проверяйте у него домашнее задание. Успехов не будет, если он их не выполняет. Нет. Для этого не нужно знать английский. Проверяйте просто, написано ли оно вообще в тетради». Но они и этого не делают! Им некогда просто открыть тетрадь и посмотреть, есть ли там хоть что-нибудь. На что они рассчитывают? Миша – косоглазый сколиозник с вечно приоткрытым ртом, из которого временами капает на тетрадь слюна. Но на уроках он весел, радостно моргает сквозь толстые линзы своих очков. Мы с ним играем в правильный выбор слова. Он всегда ошибается, но ему смешно. Мне тоже. И я ему завидую. Если бы я так легко относился к своим ошибкам. Если бы они так же мало для

Ветер, солнце сквозь тучи. Наконец-то закончил со стульями.

Расставил. Открыл окна и любовался. Тени стульев лежали на полу, то умирая, то снова рождаясь. Видимо, придется покупать еще и стремянку. Иначе никак не повесить шторы. Потолки очень высокие. А без штор никак нельзя. Думал о них, засыпая.

Луна светила.

Опять не пришел Максимка. Звоню – не берут трубку. И хорошо, что не взяли, а то бы я сорвался. Потом не пришел Денис. Группа из четырех девочек не явилась в полном составе. Я не выдержал и метнулся в наш верхний кабинет излить возмущение **English Teacher Inga**. Дергаю ручку, закрыто. Так, что же это я, совсем? В воскресенье приехал на работу?! Бывает же... Открыл дверь своим ключом, там у нас чайник в кабинете, решил хоть чаю выпить с горя. От-

меня значили. Однако это чахлое искривленное деревце прекрасно разбирается в компьютерных играх, когда о них заходит разговор с другими учениками, и даже советует им, как пройти очередной сложный уровень. Прямо Стивен Хокинг какой-то. Если бы не было компьютерных игр, он бы нашел свою вторую реальность в литературе, химии, математике или биологии и стал бы гением. Возможно, его интеллект стал бы приманкой для здоровой, генетически благополучной женщины, и чахлое родовое деревце в будущем пустило бы свежий крепкий росток. А так виртуальные битвы, виртуальные красавицы и в конце по-дедовски простая, обыкновенной лопатой вырытая могила. Гении нужны обществу куда меньше, чем потребители, даже такие слабенькие.

крываю. А там пусто вообще. Ничего нашего обычного нет. Только стулья мои стоят венские, поблескивают и лаком пахнут. И тут телефон звонит. Я беру трубку. А мне говорят, что все уехали. «Куда? – спрашиваю. – В Тристан-да-Кунья?» – «Да, – говорят, – Кунья». «Так это же в Китае, рядом, – подумал я, – тогда, понятно...» И только тут я вспомнил, что не встретил сегодня на улице ни одного человека...

Смеялся, вспоминая сон.

«Путешествие на Луну»

Весь день готовился. Вешал шторы, все проверял. Домой приехал в половине одиннадцатого. Было полнолуние, и Луна стояла как нарисованная в детской книжке.

«Почему они спорят? Ведь это иркан», – говорил кто-то. «Нет, это люмер», – отвечали ему. И было непонятно, кто спорит. А мне казалось, что это похоже на иркан и на люмер, потому что это одно и то же, только слова разные, и я удивлялся, почему они этого не понимают. Ну, для тех, кто в коробке с конфетами. Не берите без спросу. Будем вешать на елку. Она стояла огромная посреди заснеженного поля, до самого неба, с таким незарным прозерком испода, какой бывает у птиц высоко на рассвете. Везде сльот, но не скользкий, а в небе большая круглая Штаяр, как кукла, когда их делали круглыми. Вот бы тут кино запускать! Далеко бы видно было. И еще ото льда наверх отражение. Как стереоэкран! У меня все провода были с собой, я воткнул их в розетки, а они как загудят все, как орган. До самой до Штаяр! И все сразу задрожало, весь воздух, как рябь на воде.

Я открыл глаза и понял, что это вибрирует мой телефон возле подушки.

Школьная привычка. Никто не сел на первый ряд, кроме одной пожилой дамы, обесцвеченной и коротко подстриженной, с лицом римского патриция и алым маникюром.

На втором ряду носатый парень в артистически длинном шарфе обнимал девушку в модных очках, которые служили единственным украшением ее бледного, детского лица.

Через один стул от них восседал некий статный безумец во френче и португее. Держал на коленях офицерскую фуражку царских времен. На руках у него были узкие, по кисти, черные кожаные перчатки. Рядом с ним никто не решался сесть. Все, очевидно, принимали его за нанятого для антуража актера. А я в первый раз его видел.

Старуха, похожая на яйцо, в натянутой до бровей вязаной шапочке, с крупными желтыми белками глаз, привела с собой внучку; сидят рядом, трогательно внимательные.

На заднем ряду, с краю, положив ногу на ногу, расположился какой-то верзила в спортивных штанах. Там же две дамы филармонической внешности. Я слышал, как поминутно щелкала лакированная сумочка одной из них.

Ну и кое-кто из моих приятелей сдержал обещание, пришел.

Я не мог дожидаться начала. Зато потом сразу успокоился. «Сегодня из этого зала мы с вами отправимся на Луну. Вместе с отважными первопроходцами Жоржа Мельеса. Наше путешествие туда и обратно займет 12 минут и 53 секун-

ды. Приятного полета!»

Я погасил в зале свет. Конечно, я видел этот фильм много раз, но то, что я теперь смотрел его вместе с другими, в этом зале, делало его новым.

Сначала в готическом соборе, украшенном телескопами и глобусом, появились астрономы в белых париках и длинных мантиях с горностаевой оторочкой, похожие на Дедов Морозов. На головах у них были треугольные колпаки. Шесть переодетых мальчиками старлеток в беретах, коротких курточках и белых гольфах внесли шесть телескопов и удалились строем. Явился председатель в халате, расшитом изображениями Солнца и Луны, как верховный Дед Мороз. Он вошел на кафедру, и на школьной доске за его спиной появился пленительный в своей простоте чертеж: Земля с меридианами и параллелями, огромная, телескопически выдвигавшаяся пушка и пунктирная линия до Луны. В детстве я был уверен, что весь мир устроен так же просто. Дальше следовала комическая дискуссия, главным аргументом которой становилась книга, метко брошенная в голову оппонента. Нострадамус, Микромегас, Алькофрегас (псевдоним Рабле), Омега, Парафарагамюс. Этих пятерых председатель выбирал своими спутниками в путешествии на Луну. Путешественники попадают на строительную площадку, Микромегас нечаянно усаживается в чан с азотной кислотой, но это неважно, потому что вы рассматриваете огромный клепаный снаряд. Путешественники поднимаются на крышу, чтобы полюбоваться

торжеством индустрии. Кругом фабричные трубы и настоящий дым над картонной декорацией – сталеплавильный завод. Посадка и запуск снаряда. Путешественники, одетые в сюртуки и цилиндры, раскланиваясь с провожающей публикой, забираются в клепаную капсулу. В жерло пушки ведет наклонная рельса. Черода дам в шортиках, выстроившись гусеницей, семеня, толкают друг дружку вперед, а крайняя толкает снаряд в пушку. Дамы изображают орудийную прислугу. Но картинка напоминает что-то из будней строителей пирамид в наряде цирковых униформистов. (Я верю, что, если бы мы так летали на Луну, мир был бы лучше.) Огромная нарисованная пушка направлена на нарисованную Луну в окружении сердитых облаков. Старт. Луна приближается с каждой секундой, мы видим ее клоунское лицо, как бы выглядывающее из торта, и вот! – прямо в глаз попадает ракета. Снаряд на поверхности Луны, похожей на заброшенную лесопилку в морозный день. Астронавты в сюртуках, цилиндрах и с зонтиками выбираютя наружу. Наблюдают величественное зрелище, восход на небе Земли. Неподалеку падает метеорит, рождая краткий пожар. Астронавты ложатся спать. Они устали от полета. Чудесная, зубчатым колесом вертящаяся комета с неподвижным хвостом пролетает над ними. Ее сменяют семь гигантских звезд, построившихся в форме Большой Медведицы. В этих звездочках открываются окошки и появляются женские лица. Потом появляется перепоясанный кольцом Сатурн, в нем открывается дверца,

и оттуда высовывается старик, похожий на Плюшкина. Рядом с ним на серпе месяца сидит Селена, как цирковая гимнастка (где она, эта Селена, что с ней стало, кого любила, как прожила?), а справа от нее – две обнявшиеся нимфы с большой, остролюкой, шестиконечной звездой над ними. Начинает идти снег...¹⁶

Возвращаясь на землю, надо сказать, что мельесовский снаряд полетел несколько в иную сторону. Ловкий внук мельника, прижимистый сквалыга Эдисон, натугой невероятной усидчивости вымучивавший каждое свое изобретение, обокрал чародея и аристократа Мельеса. Эдисон считал, что ему принадлежат права на все, что снято на перфорированную пленку (изобретение Эдисона), и не выплатил Мельесу ни гроша за показ его фильма, пользовавшегося ко-

¹⁶ Смотрели хорошо, с уважением к архаике, с пониманием. Любовались наивностью. Или мне так показалось. После сеанса известный театральный критик, Галина О., подошла поблагодарить меня, сказала, что это замечательное начинание в нашем городе. Подошел тот странный тип в офицерском френче и, сняв с правой руки перчатку, пожал мне руку. (Оказывается, Дима Р. его давно знает, это некий Рома Костенко, человек, повернутый на военной истории, царской армии и православии, но вполне безобидный, очаровательно наивный.) В общем, все прошло успешно. Я сидел в пустом зале с распахнутыми окнами и улыбался. Потом снова опустил шторы и посмотрел фильм еще раз, один. Чтобы успокоиться... Где теперь та Селена в белой тунике? Что с ней стало через четыре года после премьеры фильма, в начале Первой мировой войны? Дожила ли до Второй? Кого любила? Пересматривала ли этот фильм? Где похоронена? Помнит ли ее хоть кто-нибудь? Вот она так беспечно сидит посреди накрененного на правый рог месяца. Я, может быть, один во всем подлунном мире подумал сейчас о ней! И чувствую обратное дуновение...

лоссальным успехом в Америке. Часть денег, вырученных от проката фильма, была потрачена на устройство первого в США кинотеатра, расположившегося в безвестном захолустье под название Голливуд.

Надо искать пианино. Наложенная, сегодняшняя музыка сбивает образ эпохи.

Сегодня выпал снег. Город помолодел, стал черно-белым, как в старом кино.

А на работе случился у нас переполох. Гости нагрянули¹⁷.

¹⁷ Усадил я группу, дал им для разминки легкое упражнение: построить свой дом, посадить вокруг него сад, пригласить родственников и друзей, то есть нарисовать все это и подписать по-английски. А сам вышел в магазин купить кефиру и сахарное колечко. Там уже знают, привыкли. Говорят: «А колечек сегодня нет». Возвращаюсь из магазина, а мне навстречу идет по коридору медсестра из зубного кабинета. И так необыкновенно на меня смотрит. Она женщина интересная, так что я даже смутился. А она мне подмигивает и подбородком так грациозно поводит. Я прямо замер с кефиром в руке. Она мимо меня проходит и в ухо мне шепчет: «На лоне твоя!» Я гляжу – у нее за спиной, в самом конце коридора, трое стоят с бумагами, а наша парикмахерша смотрит на них и все время кивает. «Налоговая!» Я сразу в кабинет и дверь на ключ. Шепчу: «Давайте, дети, поиграем в интересную игру. Вы будете сидеть очень тихо, а я вам всем пятерки поставлю». Вообще оценки в нашей школе ничего не значат, кому я сделаю хуже, поставив двойку? «А кто хоть слово скажет – получит двойку!» Положил перед каждым распечатку со списком неправильных глаголов, чтобы зря не сидели. «От сих до сих выучить для диктанта». И по лбу себя ударил! Наверху ведь еще ничего не знают. Что делать? Коридор перекрыт! Тогда я говорю: «Поняли мое секретное задание? Молодцы! Главное – сидите тихо!» А сам открываю окно и вылезая через него на улицу. Дети на меня во все глаза смотрят, а я им улыбаюсь, как будто я всегда такой веселый чудака – каждый день в окошки прыгаю, чтобы жить не скучно было. Бегу к другому подъезду и мигом на второй этаж:

Налоговая. К счастью, все обошлось. Мы двери закрыли и все. Выходной.

«Бумаги у нас в порядке, чего нервничать... – сказала **English teacher Inga** и добавила: – Where have you got such a pretty strange haircut?»

«Just in the ordinary barbershop», – говорю.

Она была в черном платье чуть повыше колен вишневого цвета, бусах в тон помаде, из ее высокой прически на японский манер торчали какие-то перекрещенные спицы. И, поглядев на них, я предложил: «**А в китайский ресторан не хотите сходить?**» Обернулась и, улыбаясь на фоне Темзы и Тауэра, сказала: «**Fine idea!**»¹⁸

«Alarm! – кричу. – **Tax collectors here!**» **English teacher Inga** не показывает виду перед учениками, но нечаянно задевает стакан с карандашами на столе, и все они с веселым стуком рассыпаются. Я кидаюсь их собирать. В волнующей близости колени **English teacher Inga**, но вспоминаю, что у меня ведь окно открыто там, внизу. Кидаюсь вниз, выбегаю на улицу, сигаю через подоконник, детям показываю: «Тс-с!» Они смеются. Быстро зажигаю свет и опускаю железные ставни на окне. Дети скачут от веселья и прыскают. Ручка двери поворачивается и дергается. Полный восторг! Я делаю страшные глаза. Дети сейчас полопаются, как воздушные шарiki. А я стою и вспоминаю: где же мой кефир остался. Через сорок минут дверь пришлось открыть, конечно. Урок закончился. Но инспекторов уже не было. Я посадил новую группу и пошел наверх, спросить, как прошло у них. Они тоже закрылись и отсиделись.

¹⁸ Занятия у нас окончились одновременно, и мы встретились на первом этаже. Сдавали ключи от своих кабинетов вахтерше. Расписываясь в нужной графе, она наклонилась в своем узком платье. Потом я подал ей пальто. Гардеробщик в ресторане тоже смотрел на нее, когда она остановилась перед зеркалом в фойе. Отвернулся, поймав на себе мой взгляд. Разглядывая в зеркало свою дикую стрижку, я прищурился и стал похож на Сессю Хаякава, японского актера немого кино,

Известно, что сны, как бы причудливо они ни перекручи-

игравшего злодеев. Мы прошли в зал, выбрали столик, обсудили меню и сделали заказ, потом обсудили интерьер. Коньяк мы купили до этого в магазине возле нашей школы и принесли с собой. В этом особая прелесть китайских ресторанов. Поговорили о работе. «Работу я люблю, но иногда изматывает до головокружения. Тогда приходится **пить коньяк**. Просто чтобы не упасть в обморок после того, как провела шесть или семь уроков подряд. И нужно провести еще один или два. Полрюмочки», – сказала она. Я налил по второй. «**Прозит!**» Официант принес габаджоу на большой дымящейся тарелке и жаренные на чугуне морские гребешки. Круглое стекло, покрывающее столик, можно вертеть вокруг оси, чтобы удобнее было дотягиваться до нужного блюда. И я вскользь думаю о том, сколько гэгов придумал бы с этим стеклом Чаплин. Улыбаюсь. Она медленно крутит свою рюмку по стеклу, то поднимая, то опуская глаза, а я бодро стрекочу, стараясь рассказывать забавные истории, потому что, если женщина смеется, ее легче соблазнить. Например, про напарника, который был у меня в порту и убегал с дежурства по ночам проверять свою жену. Но получалось как-то не очень смешно. «А ты ревнивый?» – спросила она. И по этому «ты» я понял, что она слегка запьянела. «Это хорошо», – подумал я и сказал: «Нет, абсолютно». – «Почему?» – удивилась она. Я задумался, ответил: «Я закаленный». **English teacher Inga** посмотрела, желая понять, что я хочу сказать этим кроме того, что сказал. «А что ты делаешь после работы?» Я хотел спросить, какие у нее увлечения, но не решился. Я вспомнил про женщину, с которой **«грабил сберкассу»**. С ней было не о чем говорить, она признавала только две темы: аквариумное рыбоводство и кулинарию; я истощил свою фантазию на этих вопросах и впал в тоску. Если я заговаривал о чем-то другом, она как будто не понимала, слушала как мумия. Однажды мне удалось рассказать ей, что, приходя зимой на работу, я снимаю сапоги и переобуваюсь в туфли. И она горячо меня поддержала, сказала, что это правильно. На какое-то время это нас вновь сблизило, но больше общих тем не нашлось. «Хожу в спортзал». – «**А у тебя есть аквариум?**» – «Да, но я им почти не занимаюсь, у меня там всего одна рыбка». – «Это здорово!» – сказал я. «Любишь рыбок?» – «Нет» – засмеялся я, и она тоже засмеялась. Мы снова чокнулись рюмками. Без тоста. На другом конце зала компания за столиком взорвалась хохотом, по которому сразу опознаешь чужих. И мы посмотрели в ту сторону одновременно с разным выражением одного и то же

вались, каким-то своим краем всегда ближе к той реальности, которая скрыта от нас за дневной суетой.

Я вот люблю порядок. Книги, фильмы у меня расставлены по полочкам. Я бы мог составить и каталог снов. Иногда мне кажется, что я помню каждый свой сон. Дни свои не так помню, как сны! В каком-то смысле я сам для себя – фабрика грез.

А ведь есть сны, которых я не помню, и дни тоже – из них можно было бы составить целую жизнь. Интересно, узнал бы я ее? Похожа она на мою? Может быть, та, другая, вернее моей?

Я, например, совсем не помню, что со мной было в 1997 году. Могу попытаться восстановить. Но наберется от силы

чувства. Я извинился, сказал, что выйду покурить, и она ко мне присоединилась. Мы вышли в вестибюль, она достала тонкую сигарету. Было прохладно, и я накиннул ей на плечи свой пиджак. Она улыбнулась. «Я не знал, что ты куришь». – «Я только дома иногда. На работе не курю. Училка не должна курить». «Ну что ты его наматываешь как веревку. Шарф надо завязывать так», – и она завязала мне своими руками узел а-ля «пройдоха». «Так теперь модно», – сказала, любуясь. После ресторана было приятно дышать на морозе. Недопитую бутылку я нес во внутреннем кармане пальто. Уже стемнело, снег кружился под фонарями. «**Вы** не забыли коньяк? **Очень** скользко, дайте руку... **Интересный** учебник купила недавно... Я считаю, что каждый **человек** должен знать хотя бы один иностранный язык...» – «**Да, да!**» – соглашался я. Мело так, что окна верхних этажей не было видно. «Никогда не пила коньяк из горлышка». – «У меня есть шоколадка, можно закусить». – ободрил я. Мы выпили по очереди. Она обтерла горлышко от помады. «**Согревает**». Глаза ее были близко. Самым крупным планом. Я предложил было, но она сказала: «Мне так **не кажется**, уже **поздно**», – произнесли ее губы, но внизу, на экране, возник титр: «**Мне совсем не кажется, что уже поздно**».

минуты на три... И так почти с каждым годом. Среди них выделяются порой события, о которых можно вспоминать долго. Они как бы заслоняют собой все остальное. Но ведь они не могут его отменять совсем. Остальное больше!

Вова, тот самый прапорщик, мой бывший сосед, служит неподалеку и, проходя в свою часть и обратно, любит постучать мне в окошко и сделать дурацкую рожу на радость моим балбесам. Утром он идет хмурый, сутулый, в камуфляжных брюках и высоких берцах, сунув руки в карманы короткой военной куртки. А днем шагает уже прямой, веселый, в распахнутой куртке. Стучит костяшками в окошко и останавливается, чтобы со мной поболтать. Но мне неудобно говорить с ним, у меня урок. «Ладно, ладно, до скорого, пан учитель», – говорит Вова и протягивает мне в окно свою обветренную руку. «А вы, тугосери! Учитесь на...» – но я успеваю закрыть окно.

Снова думал, как летит время. Уже опять пора платить квартирной хозяйке. Звонил по поводу пианино. Ищу подешевле, подержанное. Но где найти еще и тапёра?

Сеанс в тот день уже начался, когда она вошла, и я не смог толком ее разглядеть, но в полумраке ее лицо на секунду показалось мне удивительно похожим на лицо Греты Гарбо. Я решил, что после показа найду возможность заговорить с

ней. Приметил ряд и место, где она села. В тот день я показывал «Черную мечту» с Астой Нильсен. Теоретически Грете Гарбо должен был нравиться этот фильм. Зрители, за исключением пары человек, благопристойно скучали. Я нервничал, как это всегда бывает, когда я чувствую, что фильм «не идет». Возможно, поэтому я отвлекся, вернее, позволил Ле-ве отвлечь меня после сеанса. И вот – пропустил, как незнакомка, похожая на Грету Гарбо, выскользнула из зала. Но когда все разошлись и я уже отключал аппаратуру, то увидел на сиденье одного из стульев дамскую сумочку светлой кожи с золотой защелкой замочка. Я взял ее, но открывать не стал. Написал объявление: «Найдена белая дамская сумочка». Хотел еще приписать что-нибудь остроумное, но ничего не пришло в голову.

Шел домой, вспоминая о затворничестве Греты Гарбо, о том, как она спасла Нильса Бора. О том, как досадно, что я упустил ее после сеанса, то есть не ее, конечно, а ту женщину, что забыла сумочку... Но почему я решил, что это именно она забыла? Условно. Мог кто угодно. Жила на 52-й Стрит на Манхэттене, никого не принимала, не была замужем, почти ни с кем не дружила. Загадочная. Но фильм, в котором играла ее знаменитая соотечественница, ведь мог ее заинтересовать...

«Ничего. Так нужно», – сказала **English Teacher Inga**, расстегивая молнию на платье и снимая его через голову.

«Это налоговый инспектор», — пояснила она своему кавалеру в шарфе, завязанном а-ля пройдоха. Кавалер сидел на стуле, положив ногу на ногу, и молчал. Вокруг него были как будто сумерки. Он думал, что это кино, и сам не знал, что участвует. Мне пришла в голову мысль воспользоваться этим. Только я не знал, как выдавать себя за налогового инспектора. Просто насупился для серьезности. И этого оказалось достаточно. Многие чиновники так делают. Увидев меня таким строгим, **English Teacher Inga** безвольно оробела. Нарисованная луна улыбалась за окном.

«Месть кинематографического оператора»

Владислав Старевич.

Если ты с увлечением занимаешься полной чепухой – готовься, – у тебя есть шанс стать гением! Так и произошло с этим мальчишкой, которого выгнали из гимназии за плохое поведение. Но его родители вели себя еще хуже, были польскими революционерами. Владик собирал коллекции насекомых и делал их копии из гуттаперчи, проволоки и воска. В 1910 году мечтал снять документальный фильм – битву жуков-рогачей за самку. Но жуки боялись света. Великий Ханжонков нанял для Старевича квартиру в Москве, подарил подержанную кинокамеру. В обмен получил права на все работы Старевича. Гении не любят торговаться. (В данном случае это следует отнести к обоим.)

Но жуки по-прежнему боялись света.

Тогда Старевич разобрал живых жуков на детальки и потом собрал из этих деталек жуков мертвых, добавив гуттаперчи, воска и проволоки. Снял покадрово пародию на рыцарские романы – фильм «Прекрасная Люканида, или Война усачей с рогачами». О таких чудесах кино тогда не слыхали и приняли все за чистую монету.

«Как все это сделано? Никто из видевших картину не мог объяснить. Если жуки дрессированные, то дрессировщик их должен был быть человеком волшебной фантазии и терпения. Что действующие лица именно жуки, это ясно видно при внимательном рассмотрении их внешности. Как бы то ни было, мы стоим лицом к лицу с поразительным явлением нашего века...» — писала английская газета.

Затем появились «Месть кинематографического оператора» (1912), «Стрекоза и муравей» (1913), «Веселые сценки из жизни животных» (1913).

В эмиграции Старевичу сразу предложили работать на фирму «Меркурий». Анимационные фильмы. Признание. Золотая медаль Розенфельда.

В 1941 году первый в истории кино полнометражный анимационный фильм «Рейнеке-Лис» получил восемь премий и принес Старевичу вторую медаль Розенфельда.

В 50-е Старевича забыли. Перебивался съемкой рекламных роликов, продавал самодельных кукол. Руки помнили. Проволока, воск, гуттаперча. Круг замкнулся.

Сегодня я показывал «Месть кинооператора», сюжет тривиальный, любовный треугольник, все персонажи насекомые¹⁹.

¹⁹ Глядя, как неловко жук тащит чемодан, вспомнил себя самого, карабкающегося по оледенелой лестнице с тяжелым портфелем из корпуса «А» в корпус «Б» зимой какого-то из девяностых годов. В корпусе «Б» аудитории были построены амфитеатром, и на лекции приходил целый поток, больше ста человек,

так что иногда мне хотелось вывести их на какой-нибудь плац и заставить маршировать, подавая команды в мегафон. Хотя мегафон пригодился бы и в этой огромной аудитории с отвратительной акустикой. Меня не было слышно уже на третьем ряду амфитеатра. Зато мне внизу было слышно все, вплоть до шороха конфетной бумажки, которую разворачивал кто-нибудь на самом верху; я смотрелся оттуда как некое насекомое, копошащееся у доски. Когда я только пришел, наша кафедра выглядела достаточно типично для любой гуманитарной кафедры. Моложавая энергичная заведующая, скорее бизнес-леди, чем педагог, несколько уже пожилых заслуженных дам, светских в обращении, проводивших свою жизнь в галантном преподавании истории КПСС и потому как бы принадлежавших к «свету», а теперь, в 90-е, как бы «из бывших». Среди них особенно выделялась Ольга Ивановна, в прошлом несомненная красавица с мягким контральто и тем особенным взглядом, какой бывает у женщин, которым есть что вспомнить. Были четыре молодые преподавательницы. Одна – красивая и заносчивая, другая – просто приветливая, третья – обыкновенная, с некоторой задумчивостью, и четвертая – некрасивая и гордая. (Делайте ваши ставки!) Кафедра должна была преподавать студентам огромного технического вуза историю и культурологию. Старую историю по-новому, уже теперь совсем правильно и честно, и в придачу к ней новую культурологию. Все казались воодушевленными. Говорили о Леви-Строссе и Брониславе Малиновском, Мишеле Фуко и Жане Бодрийяре. Из нашего окна была видна готическая крыша кирхи, на которой недавно установили золотой католический крест. А раньше тут был музей Военно-морского флота. Молодой, академически щеголеватый философ с постриженной народовольческой бородкой, уже профессор, говорил о необходимости создания «единого смыслового пространства». Кафедру украсили изображением античных колонн дорического и коринфского ордера, предполагая наглядно объяснять студентам, в чем различие. В фойе воздвигли мраморную статую Каллиопы. Все с энтузиазмом писали индивидуальные учебные программы взамен опостылевших типовых и строили планы развития нашей дисциплины, может быть, превращения нашей кафедры в некий культурологический центр со связями во всем Тихоокеанском регионе, претендовали в будущем на создание собственной научной школы международного масштаба. Все было как праздник. Только студенты малость подводили. Самые простодушные из них откровенно спрашивали, зачем им различие

Старевича смотрели не очень, так, из уважения к рарите-

между коринфским и дорическим ордерам «там, под землей», если они учатся на маркшейдера. Мы ласково объясняли, что культура возвышает человека и в шахте. Они снисходительно слушали, сморкались и чесались. Я сам тогда был так молод, что разница в десять лет со студентами казалась мне огромной. Поэтому я стеснялся и недоумевал, когда, например, на занятии в музее, нас путали и строгая дама-экскурсовод вопрошала «А где ваш преподаватель?», не различая меня в толпе студентов. Напротив центрально входа в корпус «А» была нижняя станция фуникулера, построенная в стиле сталинского классицизма. В ее просторном фойе был музыкальный киоск. Там тонкий меломан, добродушный алкоголик по прозвищу Дейв, поклонник группы «The Cure», приятель Виктора Цоя, продавал кассеты и попивал немецкие ликеры. Бывает, там собиралась целая компания, и тогда Дейв мягко настаивал, чтобы курить выходили на улицу. Я засиживался там после занятий допоздна. Со временем все изменилось. Наша бизнес-леди вышла замуж за американца и уехала в штат Массачусетс. Кафедры наши разделились. Историей стала заведовать очаровательная Ольга Ивановна, а нашей кафедрой (вы успели сделать ставки?) – та самая гордая и некрасивая Г. Г. Вся кафедра постепенно подстроилась под нее даже внешне и теперь представляла собой парад «синих чулок». (Мало кто знает, что впервые это прозвище было дано мужчине по имени Бенджамин Стеллингфилт.) Исчезла насмешливая красавица, исчезла миловидная преподавательница, а та, что была обыкновенной, еще слегка подурнела (из солидарности). На работу Г. Г. принимала по принципу лукизма (face fascism). Только наша фейс-фашистка руководствовалась обратным принципом: чем страшней, тем лучше. Однажды ко мне на работу зашел знакомый, Игорь Б., хамоватый, напористый предприниматель. Пробыв там три минуты, пока я собирался, он в коридоре сделал заявление: «Да что ж это у вас все такие подобрались: ни сиськи, ни письки, и жопа с кулачок». Я тогда обиделся за коллег, сказал: «А ты сюда потрахаться пришел?» Мне стало досадно, что он может так говорить об этой терпеливой пехоте народного образования. Недавно среди своих бумаг нашел одну записку, еще с той прежней работы из университета – ДВГТУ им. Орджоникидзе. Служебное предписание. Узнал почерк нашей заведующей кафедрой. Улыбнулся с ностальгической нежностью. Она меня так не любила! Писала докладные ректору. Некрасивая, а почерк замечательный. Сейчас, кажется, кинулся бы и расцеловал ее на улице. Просто. Ну,

ту. Фонограмма убогая. Без тапёра нельзя. Он бы расставил

как однополчане встречаются. Тут уже неважно, кто кого не любил. Г. Г.! У нее и дедушка, и отец были профессора. И она тоже мечтала и уже была доцентом. Серьезная. А я не мог понять, как можно относиться ко всему этому серьезно. Если к этому еще и серьезно отнестись, то никакого уже самоуважения не останется. А вот она считала, что надо серьезно, что есть смысл унижаться так, если потом тебе дадут профессора. Вот мы и не могли найти общий язык. А это еще были девьяностые, когда часто отключали свет и отопление, и я помню, дома расхаживал в сапогах, заучивая при свечке терцины Данте на итальянском, просто от нечего делать и чтобы произвести впечатление на студентов. Я тогда считал, что это возможно, даже если они учатся на факультете водоснабжения, то есть получают, по сути, диплом сантехника. И знаете, это действительно производило впечатление, хотя я читал им эти терцины на фоне унитаза, изображенного в разрезе в масштабе 1.5×2 метра со всеми инженерными подробностями. Нет плохих профессий. Ибо и сантехники любить умеют. Сквозь узорный частокол ее (Г. Г.) почерка с барочными петельками на верхушках заглавных «М», «Н» и «Щ» я вижу самого себя, беспечного, шагающего вдоль строгой ограды стадиона «Авангард»; слева встает солнце, а справа отливают стеклярусом, как бы отражая его, строки докладной: «регулярно пропускает заседания кафедры, не заполняет журнал проведения занятий, безразлично относится к общественным мероприятиям, допускает срывы занятий...», между которыми более осязаемо втискивается плотное слово «Гастроном», из которого я выхожу с двумя бутылками в портфеле.— У нас будет министерская проверка, вам надо заполнить журнал.— Заполнить журнал... Я беру журнал и усаживаюсь за дальним концом длинного кафедрального стола. Я так помню этот стол! Помню все чашечки и стаканчики из нашего сейфа, потому что — какие еще ценности там держать на кафедре культурологии? Помню стены из гипсокартона, дырку от гвоздя, который выпал и вместе с ним упали китайские часы, но не разбились, а продолжали идти, хотя и всего одной теперь, секундной, стрелкой. Помню уродливую картину на стене, на которую я смотрел столько лет подряд во время заседаний кафедры, но сейчас совершенно не могу ее вспомнить. Высокое окно с решеткой, выходившее впри-тык на соседнюю стену. И помню то особое чувство, которое возникает летом, когда кончается сессия и ты стоишь, оглядывая этот кабинет, и думаешь: «Вот еще один год прошел как-то...» А в сентябре все равно приходишь с радостью.

музыкальные акценты. Вещь бы смотрелась свежо.

По сути, мне было не за что любить свою работу. И я любил ее просто так, ни за что. Я листаю журнал, который, как обычно, не заполнял полгода. – И пустил стрелу третий сын... И упала она в болото... – говорю я, обращаясь в пространство. Г. Г. хмуро косится на меня и потом выходит из кабинета. А я теперь обращаюсь к своей коллеге Т. Л.: – Татьяна Петровна, как вы думаете, этот журнал кто-нибудь когда-нибудь читает? Татьяна Петровна – серьезный молодой педагог, она диктует студентам свои лекции под запись, читая их с конспекта. Она знает много терминов и отличает симулякр от симультанности, трансцендентность от имманентности и ноэзис от ноэмы. Но при этом, упоминая Василия Розанова, ставит ударение в его фамилии на второй слог. Она читает только серьезные научные книги и не помнит, что написал Чехов, кроме «Каштанки». – Даже не знаю, – отвечает Татьяна Петровна простым русским голосом, с которым хорошо продавать картошку на базаре и который так органично подходит к ее простому, солдатскому лицу, – думаю, что иногда все-таки читают. – А я уверен, что нет... – Почему? – Потому что, если бы кто-нибудь это прочел, меня бы давно уволили, – и я толкаю журнал по полировке стола. Журнал доезжает до Татьяны Петровны. Она надевает очки, начинает читать графу «Темы занятий». Снимает очки и, преодолевая неловкость, спрашивает: «А зачем вы это написали?» – Чтобы проверить. И теперь я точно знаю, что его никто никогда не читает... Вы ведь не сдадите меня Г. Г.? – спрашиваю я, улыбаясь и глядя в упор на Татьяну Петровну. Дело в том, что именно Г. Г. устроила на кафедру Т. Л., они почти подруги, и другие преподавательницы предпочитают не откровенничать в присутствии Т. Л. – Я вам почему-то так доверяю, – говорю я. – Ну конечно, что вы, – спешит уверить меня слегка покрасневшая Татьяна Петровна. Хуже всего были заседания кафедры, на которых решались организационные вопросы, давно уже решенные за нас наверху. Участвовать в этом фарсе было унижительно. Вот, к примеру, сначала всех нас обязали сдать к определенному сроку свои научные работы, статьи, тезисы, как положено в любом вузе. Мы сдали. Потом нам велели сдать деньги на публикацию наших же работ. Мы сдали, побряхтев. И вот, наконец, сборник вышел. Теперь нам сказали, что мы должны сдавать деньги, чтобы выкупить тираж. Что вы думаете? Сдали и на это. При том что масса студентов училась платно и вестибюль главного корпуса отделывали уже мрамором. Когда я увидел нашего ректора вблизи, то подумал, что в принципе такое лицо могло

бы быть у успешного торговца человеческим мясом. Возможно, он думал, что мы берем взятки, а если не берем, ну, значит, это наша проблема. Он нам все предоставил, а мы «вертеться» не умеем, вот и пеняйте на себя. Я ездил в командировки по филиалам нашего вуза, в тот же Партизанск, и наблюдал, как пожилые, солидные, советского образца преподавательницы математики и химии, не стесняясь, торгуются в классе со старостами групп о цене за контрольную. «Опа-опа! Вот такая жопа!» – сказал я сам себе, как культуролог культурологу, глядя на эту «торговлю во храме». То есть «единое смысловое пространство» начинало выстраиваться. Хотя и в несколько неожиданной проекции. И молодой философ с народовольческой бородкой слегка поостыл. Он был теперь деканом, и у него в столе, на всякий случай, лежала бумага, в которой говорилось, что процент от платных специальностей не распределяется на зарплату простым преподавателям. А деканам вот немного распределяется все-таки. Богатство смыслов прорезывалось... Мой приятель Вадим З. приехал из Японии, где проходил стажировку и работал переводчиком пару лет. Он устроился преподавателем японского в наш университет и сразу после Японии попал в двухэтажный барак, в комнату четыре на три метра, без водопровода, с одним окном, выходящим на мусорные баки и деревянный сортир с покосившейся дверью без щеколды. Но Вадим еще крепился. Вел занятия, большую часть зарплаты отдавал за комнату. Единственным достоинством его жилья было то, что оно располагалось в трех минутах ходьбы от корпуса «Б». Потом его заставили участвовать в самодеятельности. Изображать в какой-то сценке лошадь. Вадим усмехался, с гадливостью вспоминая, как скакал на сцене перед своими студентами, с привязанными к голове конскими ушами из картона и хвостом из мочала на заднице. С тех пор в его лексиконе появились слова «конство» и «по-конски». А потом Япония начала какие-то переговоры с Казахстаном. И японские дипломаты вспомнили о Вадиме, взяли его переводчиком в Астану на три дня. За эти три дня он заработал столько, сколько ему заплатили бы за год в нашем университете. И это подкосило его окончательно. Когда неприятности не в силах нас добить, им на помощь приходит удача. С деньгами Вадик подсел на героин. Он продолжал вести занятия, все больше теряя к ним интерес, на досуге переводил японских поэтов, умудряясь вставлять даже в эти переводы определение «по-конски». Я говорил ему еще тогда: «Зачем ты согласился?» За окном темнело, снег облепил почерневшую деревянную ра-

Я поехал покупать пианино. По объявлению. Цена меня устроила. В объявлении значилось «Состояние рабочее». Мы ехали на грузовой «газели». Водитель, грузчик и я. Бы-

му. Вадик неопределенно улыбнулся. На выцветших обоях за его спиной висел прошлогодний календарь с видом Токио. Меня тоже заставляли участвовать. Но я был опытный уже. Я согласился, чтобы не создавать проблем с начальством. А в назначенный день просто не явился. Говорил, что мне самому страшно жаль, дескать, я так готовился к этому выступлению и вот – заболел. А Вадик испугался и выступил. Его заставила Е. Я. – злая, надменная старуха со светскими манерами и следами былой красоты на властном лице. Профессор, разумеется. На одной из корпоративных вечеринок я нечаянно услышал обрывок разговора нашей дамской профессуры и доцентуры. Е. Я., благодушествуя, рассказывала, как многие из коллег ей обязаны; ту она устроила туда, эту пропихнула сюда, та теперь ездит на «лендровере», эта купила коттедж. Никто из подобострастных слушательниц не спросил: «Это на преподавательскую зарплату?» Было похоже на то, как хвастаются воры. И я снова вспомнил ту сцену торга между студентами и математичкой в Партизанске. Вспомнил комнатку без удобств, в которой жил Вадик, и лошадиные уши с хвостом. Взял со стола бутерброд и тоже подхалимски улыбнулся, чтобы поддержать «академическую беседу». Теперь я понимаю почему. А раньше я удивлялся, до какой степени редко мне удастся стать своим, почувствовать себя естественно. Нельзя и припомнить, когда началось это отчуждение. По некой странной закономерности я чувствовал себя уютно там, где моя чужеродность была наиболее очевидна. Вопреки расхожему мнению, чуждость куда чаще вызывает симпатию, чем агрессию. Вот, когда я работал в порту и на стройке, там все видели, что я другой, не пролетарский, и относились с симпатией. А в институте во время перерыва я просто не знал, куда себя деть. У меня папа профессор, дедушку-драматурга выгнали в 1937-м с кафедры за «симпатии к итальянскому фашизму» (похвалил итальянский театр). Я должен купаться в академической среде. А я не мог пятнадцать минут между лекциями там прокантоваться. Вместо этого переходил дорогу и сидел на ящике в коммунальном коридоре под желтой лампочкой. Это когда Вадика не было дома. А когда он был дома, я у него сидел, курил, иногда смотрел, как он героин себе впаривает, мне там спокойней было...

ло тесновато. Играло радио, и мне все хотелось его выключить. Дом на улице Жигура. Длинный, как плотина. Подъездов много, все заставлено личными машинами. Мы долго не могли развернуться, чтобы поставить фургон к подъезду. Я пошел наверх. Хозяев не было дома, мне открыл мальчик, подросток лет четырнадцати. «Да вы забирайте, – сказал он хриплым ломающимся голосом, – а то ждать долго, когда они придут с работы, только вечером, поздно». Я позвонил водителю. Он поднялся с грузчиком и специальными ремнями. Пианино издало треск и сдвинулось с места. До этого я открыл крышку и вспомнил опыт уроков музыки, сыграл гамму. Звук был не очень, некоторые клавиши фальшивили, одна западала. Но меня устраивала цена. Я решил, что смогу его настроить. Пока пианино толчками двигалось к выходу, я набрал номер и позвонил настройщику. Мне нужно было срочно. Назначили время. Пианино теперь находилось на марше между пятым и четвертым этажами. И попало там в затор – ему навстречу двигалась детская коляска. Могучая мамаша в спортивном костюме ругалась с грузчиками. Я подумал, что она могла бы петь, если бы училась в молодости. Такой сильный голос. Я ждал в квартире, потому что надеялся все же передать деньги кому-нибудь из родителей мальчика. Я не очень доверяю подросткам. Обои на стене, там, где раньше стояло пианино, были веселее по тону, не выгорели. Вдоль плинтуса лежала собравшаяся в войлок пыль, и среди нее блестела оберткой завалившаяся ка-

рамелька. Мальчишка, качаясь на стуле, тыкал пальцами в свой телефон. Позвонил водитель: «Спускайтесь, мы уже на первом». Я медленно, вслух, по одной бумажке пересчитал деньги и отдал пацану. «Ага», – кивнул он и замер, криво раскрыв рот. Я обернулся. Солидная дама стояла на пороге в немом изумлении. Я почувствовал себя «чужим дядей», который зачем-то отсчитывает и передает деньги несовершеннолетнему. Я аккуратно отобрал у пацана бумажки и сделал шаг к даме. «Здравствуйте!» – сказал я. И тут началась сцена. Я только сейчас задним числом сообразил, что и по телефону-то договаривался не со взрослыми, а с этим хриплоголовым авантюристом. Да, действительно, это была моя ошибка. Я признал. Но женщине еще хотелось покричать, чтобы успокоиться. Я спустился вниз. Грузчики переглянулись, но отнеслись к моим словам без особых эмоций, снова подцепили ремни. Потащили наверх. Чувствуя себя виноватым, я старался им помогать, они терпели это молча.

Мама мальчика вышла нам навстречу на четвертом этаже. Выглядела она спокойной, остывшей и как бы освеженной после грозы. Сказала: «Знаете, мы на “семейном совете”...»

Эти слова она произнесла юмористически, как бы извиняясь.

– Знаете, мы на семейном совете решили, что ладно. Все равно ведь не заставишь...

– То есть? – спросил я.

– Мы согласны, забирайте. Сколько вы давали за него?

В результате мне пришлось заплатить грузчикам не за пять, а за пятнадцать этажей. Мы, наконец, погрузили, поехали и встали в пробке. Водитель и грузчик несколько раз обсудили историю, смеялись. Я кивал. Сидеть было тесно. Машины кругом нас стояли плотно. Горели стоп-сигналы. Я подумал, что вот эта некая метафора смерти, когда нельзя уже никуда выйти. И нельзя выключить радио «Шансон».

Зато ко мне в зал парни занесли пианино бесплатно. Поставили его у стены между двумя окнами. Было без трех минут пять. В пять ровно должен был прийти настройщик. Я часто зря волнуюсь, извожу себя. Пошел, умылся, вымыл руки. Сел и стал ждать. На улице потемнело. Начался дождь. Я ходил по залу от одного окна к другому. Смотрел на часы.

Зря я, как и этот пацан-дурак, тоже не захотел «выучиться музыке», как тогда говорили во дворе. Куда пошел? «На музыку». Среда был худший день. В среду всегда шел дождь и дул ветер. Или светило солнце и было жарко. Или было пасмурно и тоскливо. После школы я должен был идти на урок сольфеджио, который вела полная учительница по фамилии Доброхотова. «Она добра тебе хочет», – говорила мне мама. А я чувствовал, что Доброхотова не хочет мне добра. Все говорили, что она просто требовательная. И я поверил. Но сейчас-то я точно знаю, потому что сам не люблю некоторых своих учеников. Я знаю, как это выглядит изнутри, как при этом говорят, что делают. Она со мной именно так говорила. Не зло, а как бы весело, показывая всему классу, что она

хочет мне добра, а я вот сопротивляюсь по глупости. Меня до этого никто не учил записывать ноты на слух. Я даже не представлял, что такое возможно. А в этом классе все уже давно умели. И вдобавок все девчонки. И почти все старше меня. Некоторые мне сочувствовали и старались помогать, но я от этого сильнее стеснялся и совсем ничего не понимал, и тогда они видели, что я действительно тупой и учительница во всем права. «Ну и что? – думаю я теперь. – Надо было потерпеть!» Но тогда ведь я не знал, что в жизни все время приходится терпеть. Я думал, это случайность, и хотел, обойдя ее, вернуться к нормальному, ну, к тому, как было до музыкальной школы. Я не знал, что нормального больше не будет. Его будет становиться меньше. Это считается нормальным во взрослой жизни, когда уже привыкнешь. Музыкальная школа была в красивом старом здании с большими окнами и широкими коридорами, витыми перилами прохладной лестницы, античной мозаикой на каменном полу в фойе. И мы с моим другом Димой А. решили ее взорвать, чтобы я больше не мучился. Тогда дети часто хотели что-нибудь взорвать. Любили Гайдара. И вот мы с Димой планировали, сколько нам надо карбида, чтобы... Дима А. недавно мне об этом рассказывал, говорил, что мы якобы вычисляли. Что вычисляли? Вес здания? Взрывную силу карбида? Я и сейчас это не вычислю. Дима А. убеждает меня, что мы планировали все абсолютно всерьез. Но я не верю, что был в детстве настолько идиотом. То есть не только я, мы занимались этим

вдвоем. Он исключительно ради меня. Как друг. И я в это ни секунды не верил, а он верил и верит до сих пор, что мы готовы были это сделать в свои восемь лет. Дима А. говорит, что бомба даже была готова. И мне становится страшно. Я боюсь, что он сейчас улыбнется и скажет тихонько: «Знаешь, я сохранил ее... на всякий случай».

Но вместо нее взорвалась другая бомба. Выяснилось, что мой отец ухаживает за моей преподавательницей по классу фортепиано. У нее была короткая прическа, короткая юбка и музыкальная фамилия – Карпинская. «*Remember me*» было написано на обороте ее снимка, который мой рассеянный отец по небрежности как-то оставил с прочими деловыми бумагами на столе. «Как это переводится?» – спросила меня мама. Она в школе была отличницей по немецкому языку. А я двоечником, но по английскому. «Помни меня!» – перевел я, радуясь неожиданной удаче – два знакомых слова подряд. А мама посмотрела еще раз на фото учительницы. И тут я понял, что лучше бы не переводил эти слова... На другой день я стоял на втором этаже нашей музыкальной школы, в пустом коридоре, возле подоконника, и смотрел сквозь стекло, как во внутреннем дворе происходило объяснение. Слова я не слышал. Это была идеальная немая сцена. Учительница много жестикулировала, а мама стояла неподвижно. Кажалось, что если она сделает всего одно движение, то ураган сметет с лица земли и эту школу, и учительницу, и весь город. Учительница была вся очень легкая, ее могло оторвать

от земли и понести по воздуху. Если бы я был физиком, то теперь, вспоминая эту немую сцену, я мог бы по формуле вычислить страшную величину потенциальной энергии, которая заключалась в грозной неподвижности моей матери... Может быть, вместо музыки мне надо было заниматься физикой?.. Я посмотрел на часы.

Настройщик, не вытирая обувь, прошел через зал:

– Что ж вы адрес неправильно даете? Надо же указывать, что вход со двора.

Он тронул клавиши.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Где их только берут? – сказал он безразлично и открыл верхнюю крышку. – Колки все ни к черту. И дерево – труха. Гроб с музыкой.

Следы высыхали на полу. Я сидел посреди пустого зала. Остальные стулья были составлены вдоль стен.

Он достал какой-то инструмент вроде ключа для колесных гаек, только небольшого. Пиджак у него на плечах коробом топорщился, руки были сведены где-то под крышкой пианино. Раздался звук лопнувшей струны. «Вот! – сказал он, полуобернувшись и как будто торжествуя. – До диез».

В зале неожиданно потемнело, я обернулся и увидел, что одно из окон за моей спиной закрыто рекламным плакатом. Рабочие вешали его со стороны улицы. В просвете окна было видно огромное лицо Стаса Михайлова.

– Звук бархатит, плывет, шайбы все под клавиатурой стер-

ты. У колков грани зализаны.

– Вам не темно? – спросил я.

Он еще долго возился и что-то говорил. Я сидел и смотрел в противоположную стену. Следы на полу совсем высохли, остались только очертания подошв.

– Пятьсот рублей, – сказал он.

– Вы починили? – спросил я.

– Я не «починяю», я настраиваю, – сказал он.

– Извините, вы «настроили»?

Лицо его выразило необычайную усталость и снисходительное терпение.

– «Это» нельзя настроить. Пятьсот за вызов и работу.

– С удовольствием, – сказал я.

Он впервые поглядел заинтересованно. Я поднялся и, не размахиваясь, ударил его кулаком в центр лба. Он успел пробежать спиной три шага назад, прежде чем упал. Я снова сел на стул и смотрел, как он отползает по полу, работая локтями и коленями.

Видя, что я сижу и не собираюсь продолжать, он выдохнул, провел рукой по лицу ото лба к подбородку и сказал: «Вот... таких мудаков-клиентов у меня еще не было».

Я пожал плечами.

– Что? **Очень любите музыку?** – спросил он.

– Нет, – ответил я.

Он достал платок, высморкался и спросил, для чего мне пианино, и я ответил, что показываю немое кино, но не хва-

тает живого аккомпанемента.

– Играть сами будете?

– Нет.

– Ладно, – сказал он, – я вам нормальный инструмент привезу, бесплатно. Если возьмете тапёром одного старика.

– Кого?

– Хороший старик. Не пожалеете.

– У меня оплата небольшая. Больше пятисот за сеанс не смогу.

– Нормально, – сказал он. – Ему не это главное.

Через два дня, вечером, он привез орехового цвета пианино и лучезарного старика в клетчатом пиджаке и черном галстуке-бабочке. Старик торжественно поднял крышку, над клавишами было написано *J. Schiller. Berlin*. А звали старика Иван Васильевич Шпиллер.

«Кабинет доктора Калигари»

Видимо, Роберт Вине, режиссер, поставивший «Калигари», тоже, как и я, мечтал в детстве жить в маленьком сказочном городе с кривыми улочками и гранеными фонарями. В городе, на крышах которого можно увидеть силуэт кота или трубочиста, ночью – промелькнувшую фею, и ранним утром – фонарщика с лесенкой. В Германии много таких сказочных улочек. В сущности, он там и жил. В Бреслау или в Дрездене.

Но павильон в фильме выглядит как подготовительная стадия к «Гернике» Пикассо.

Окна и стены перекошились в этом картонном городе без неба, пестром и душном от варварской, бурятской пестроты.

Появляются двое героев-друзей, похожие на оперных теноров.

Балаганный антрепренер Калигари в исполнении Вернера Крауса пронес перекошенный мир через всю свою жизнь, сыграв в пьесе Бенито Муссолини «Сто дней» (1933), представив Мефистофеля в «Фаусте» (1937) Макса Рейнхардта и еврея Зюсса в одноименном фильме (1940) Файта Харлана и, наконец, уплатив пять тысяч марок штрафа за пропаганду антисемитизма в 1948-м. В каком-то смысле он так и не вышел из этих мрачных декораций немецкого экспрессионизма, пока не упал на сцене во время спектакля «Король Лир»

в 1958-м.

Сомнамбула взяла другую сторону – антифашистскую. Роль Чезаре принесла славу Конраду Фейдту. Во времена нацизма он эмигрировал, но по иронии судьбы все время представлял в кино эсэсовцев и тому подобную публику. Сыграл нациста Штрассера в «Касабланке».

Лиль Даговер, возлюбленная обоих теноров и сомнамбулы Чезаре, родилась на Яве (Голландская Индия) и, возможно, поэтому пережила всех в этом сумасшедшем доме. Снималась в кино до восьмидесяти лет. Умерла в девяносто два. Вот чего стоит поцелуй сомнамбулы! Иногда я гадаю, в декорации какого из своих фильмов она вернулась после смерти?

Фильм начинается с того, что Лиль Даговер, вся в белом, проходит, как сон, по осенней аллее в хмуром саду психиатрической больницы, мимо скамейки, на которой сидят старик и молодой человек, пациенты клиники. Этим же фильм и заканчивается.

Но настоящие герои фильма – это Герман Варм, Вальтер Рёриг и Вальтер Рейман. Художники, писавшие декорации. Немецкие экспрессионисты, вызывавшие восторженное проклятие Эйзенштейна. Завидовал, может?

Единственным недостатком фильма я считаю отсутствие в нем комизма, который всегда присущ ужасному²⁰.

²⁰ Вот, например, однажды я сильно напился. Это еще в юности, нам было весело, и пить было совсем не страшно. Не страшно, что, допустим, наутро умрешь от сердца. Мы тогда не знали, что у нас есть сердце. А утром мне надо было куда-то идти. Что-то очень важное, что нельзя никак пропустить и о чем я теперь

Нельзя покупать кефир в нашем магазине. Что-нибудь

абсолютно не помню. И вот, понимая, что в автобусе мне ехать будет трудно, я решил идти пешком. В автобусе качает и от близкого созерцания человеческих лиц может стошнить. Возьмешь и, как назло, увидишь у кого-нибудь на щеке бородавку, а из нее растет волос – и тут же тебя вырвет. И вот я пошел пешком по неглавной улице, баюкая свою головную боль и стараясь аккуратно вдыхать свежий воздух. Только одна машина проехала мимо меня, грузовик. И мне показалось, что из него, из кузова, что-то выпало. Но я не мог придавать значения деталям, старался смотреть прямо перед собой. А теперь попытайтесь угадать, что я увидел. Что выпало из грузовика? Отрубленные ноги. Две штуки. Лошадиные. А у нас в городе даже бойни нет... Откуда?.. У меня тут же похмелье прошло. Осталась только загадка – как меня не вырвало? Почему прошла голова? Везение мое на редкие, труднообъяснимые курьезы началось давно, но я так и не понял до сих пор, что это значит; есть ли в каждом из них некий знак небес, или в них нет ничего, или, может быть, все вместе, в целом, они когда-нибудь составят мозаику, которой будет не доставать всего одного, с восторгом или ужасом ожидаемого мною фрагмента. И тогда все, чему я не придавал в жизни значения, окажется... Не берусь предположить чем. Однажды, в детстве, я решил пойти прогуляться на Орлиную сопку. Мы недавно переехали в новый дом, я еще не освоился в новом районе, мне было интересно. На сопке, расчищая место под застройку, снесли целый хутор частных домов, и мне хотелось побродить в этих развалинах. Мне было лет двенадцать-тринадцать. То есть я был абсолютно взрослым человеком по моим тогдашним понятиям. Если бы я хотел прибавить колорита, я бы сказал, что дело было под вечер или даже в сумерках. Но было просто пасмурно, а который именно час, я не запомнил, хотя и посмотрел на часы. Это были крупные, круглые, карманные часы из дедушкиного наследства. Я поднимался вверх по крутой, размытой дождями дороге. В стороне была пара еще не разрушенных деревянных домов, но людей нигде не было, поэтому я сразу заметил худого старика среди развалин. Я шел снизу ему навстречу, а он просто стоял. Приблизившись, я хотел его обойти, но старик сделал движение в ту же сторону. Мне это показалось простым совпадением, и я сделал движение в другую сторону. И в ту же секунду с ужасом увидел, что старик двинулся, заграждая мне путь, и широко раскрыл руки, даже присел, как футбольный вратарь. На его лице появилась хищная улыбка. Удивительно, что мне не пришло в голову повернуть и убежать.

случается. В тот раз была налоговая, в этот – еще хуже. Ку-

Старик крепко схватил меня за руку. И тут я так испугался, что поразил старика; «Это что такое?!» – крикнул я на него с яростной брезгливостью, как инфант, готовый убить наглого простолюдина. Он даже отпрянул, может быть, ждал, что я его ударю. «Что у тебя там, в кармане?» – спросил старик. «Часы», – недоуменно ответил я и осторожно показал старику дедушкины часы. «А я думал, спички», – ответил он уже примирительно. «Думал, мусор поджигать идешь...» Где ты сейчас, дьявольский старик? Как ты прожил свою жизнь и чем она закончилась? Я только хочу сказать, даже если ты кончил жизнь забытым и одиноким, что совсем не странно с таким характером, все равно – не грусти, есть еще на земле один человек, который помнит о тебе... Твой безумный двойник встретился мне семью годами позже на одной из центральных улиц. Схватив меня за плечо, он что-то закричал. А я шел себе таким весенним юношей в модных ботинках. Я не мог понять, чего он хочет. Огромный, апоплексически рыхлый и яростный. Можно было подумать, что я только что пытался украсть у него кошелек и он поймал меня за руку. Я не сразу понял, что стало причиной его бешенства, а когда наконец понял, не мог поверить. Оказывается, я бросил окурок на тротуар. Как будто бы это Гонконг или Сингапур, где фантастические штрафы! Да у нас одна урна на пять кварталов, и та лежит на боку опрокинутая. Понятно, что я стал последней каплей, переполнившей его терпение, и самое интересное случилось с ним когда-то раньше, до меня. В этот день или за всю жизнь накопилось. Я легко представляю, как можно довести человека до ручки, и не осуждаю его. Я случайно ему подвернулся, он не мог знать, что я хороший. Может, я улыбнулся как-нибудь не так. Хотя я по улицам хожу и не улыбаюсь, не имею такой европейской привычки. И вот вокруг собирается народ. Но осторожно, чтобы не попасть под горячую руку старика, от которой я едва уклоняюсь. И тут с театральной услужливостью подъезжает милицейская машина, и вот меня уже сажают в эту машину и куда-то везут. «Отлично!» – думаю я, потому что старика оставили на тротуаре и он больше не машет у меня перед лицом руками. Через квартал, возле милиции, машину остановили, меня попросили выйти, а сами уехали. И я снова пошел по той же улице к тому самому перекрестку. Старика не было. Он уже шел где-нибудь довольный, представляя, должно быть, как меня пытаются в милицейском подвале, и жизнь его от этого становилась светлее. Я хотел закурить, но предварительно трусливо оглянулся. Теперь, если меня спросят, сделал

пил я кефир – и опять утром, – пью его и пишу на доске задание. Тут открывается дверь. Без стука. Но я привык, родители у детей разные. Бывает, кто-то забыл ребенку деньги на столовую отдать или ключ от квартиры. Но этого мужчину я вижу в первый раз. Хотя вроде бы при этом знаю. Но у моих учеников такого папаши нет. И тут я вспомнил, где я этот шарф видел и кто его так повязывает. Тот самый кавалер нашей **English teacher Inga**²¹.

ли я хоть одного человека счастливым, – я могу твердо ответить: да. Не знаю, надолго ли...

²¹ Смотрит на меня, идет прямо и ботинками следит по чистому полу. «Это что такое?! У нас тут дети занимаются, а вы в грязной обуви!» – говорю. Он даже опешил, а я вытолкал его в коридор. «**Чего**, – спрашиваю, – **надо?**» Он мне грозит: «Поговорить». – «Только быстро», – говорю. Мы идем по коридору деловым шагом, и я понимаю, что, как только мы выйдем (он идет чуть впереди) и развернется ко мне, я ударю его правой в кончик носа... Но я вспоминаю об **English Teacher Inga** и начинаю думать, что она на это скажет. В результате мы выходим, и он бьет меня в нос, но я как-то увернулся, частично. Только поэтому и не упал сразу. И он снова замахивается, я его за руку хватаю, «да что ж ты делаешь» говорю. А он меня другой рукой за горло хватает и об стену меня спиной и затылком шваркает так, что у меня звездочки перед глазами вспыхивают. И я смотрю, как он надо мной поднимается, будто вырастает, как в кино супермен, и лицо у него странное становится. Я решил, что теряю сознание. Оказывается, это Вова, прапорщик. Проходил мимо. Ну и не мог же не связаться. Поднял этого буяна сзади за воротник. Бросил в ковш грайфера. Там у ЖКХ свой грайфер есть, всегда стоит у входа. Вова схватил подвернувшуюся под руку дворницкую фанерную лопату и пытается бить врага этой лопатой прямо в ковш. Но фанерная лопасть лопаты слишком велика, крошится об ковш. Я оттаскиваю Вову. Возвращаюсь в класс. «Вы что, всего одно предложение сделать успели?!» – трясусь я так, что дети пугаются. «Так ведь даже пять минут не прошло», – лепечет Максимка. «Только три», – уточняет Дениска. Он успел украдкой снять свои огромные ботинки и теперь сидит в веселеньких носках с Микки Маусом.

Чудеса не прекращаются. Вот еще один случай. Но в другом роде. Показывал «Четырех всадников Апокалипсиса» с Рудольфом Валентино, и вдруг входит этот самый Божественный Валентино! Тоже с опозданием, как тогда Грета Гарбо, но свет я еще не успел погасить, так что разглядел его отлично. Невероятное сходство. Только костюм современный. Этого уж, думаю, я не упущу. Поймал его после сеанса. А он и не отпирается. Смеется. «Да, – говорит, – рад, что вы заметили. Я отчасти сам нарочно культивирую. Я ведь профессионал». – «Профессионал?» – «Да. Я – тангеро». – «?» – «Танцую танго, езжу на международные соревнования. У меня своя студия. Приходите. Можете просто посмотреть. А там, может быть, и заниматься надумаете». Пожал мне руку и удалился спортивной походкой. «Вот как... – думаю. – А что ты собственно хотел? Чтобы это оказался настоящий Рудольф Валентино. Так, мол, и так, встал из гроба, решил сходить на ваш сеанс, что ж тут такого, обычное дело...»

Вечером гулял по Набережной, надеялся встретить кого-нибудь из знакомых. Никого не встретил. Встречаешь всегда случайно. На закате, когда шел мимо дворов миллионки, показалось похоже на декорацию к «Калигари». Так мне хотелось думать. Как будто я внутри фильма. На самом деле не очень похоже было. Совсем не похоже. Небо!

Заезжал в гости к Ивану. Он теперь устроился на новой квартире. Разговаривали о кино. Я увлекся и говорил ему, что «Семнадцать мгновений весны» вообще не про войну и не про разведчиков, а вполне шестидесятнический фильм, где все эти штандартенфюреры разговаривают на московском жаргоне шестидесятых – «старина», «дружиче», «шеф», «воистину, куришь американские сигареты, скажут, что ты продал родину» и еще не счесть примеров. А потрясающий монолог Гриценко «Будь проклята любая демократия!» – это о кризисе, о конце оттепели, о том, что в России за оттепелью всегда начинается реакция. Все разговоры с пастором Шлагом, Плейшнером – разговоры советских интеллигентов 60-х. А диалог Штирлица с Холтоффом – это тонкая пародия на софистические рассуждения о партийности в науке – а-ля 1937 год.

Потом я вспомнил фильм Герасимова «Журналист», который теперь никто не помнит. Я сказал Ивану, что Герасимов посмотрел «Сладкую жизнь» Феллини и захотел забабахать тоже что-нибудь такое в пределах, допустимых тогдашней цензурой. Актерские работы есть замечательные. И лучше всех минутный эпизод с Шукшиным в самом начале фильма. Но, в целом, первая серия – убогий выпендрез, то есть Запад глазами правильного советского журналиста, но с подспудным любованием «шикарности» – ночные клубы, вечеринки, курящие блондинки, раскованность, автомобили, неоновые огни, виски и бурбон. «Пойдем, я покажу тебе

мой Париж». И даже за эти невинные вольности надо было расплатиться идеологически верной второй серией с фальшивым психологизмом, унылым морализаторством и «торжеством гуманизма» в финале.

Иван вскользь заметил, что и «Сладкую жизнь» считает невероятно фальшивым и затянутым фильмом.

– Вот-вот! – поддержал его я. – Две грандиозно фальшивые работы, но при этом вежи в кинематографе. Но Герасимов сделал-таки Феллини хотя бы по метражу. Его «Журналист» примерно на десять минут длиннее «Сладкой жизни».

– Вот и напиши статью об этом, – сказал Иван.

Я задумался: «А как сформулировать название?»

Ни секунды не медля, Иван ответил:

– «Советская полусладкая жизнь!»

Сегодня нос к носу встретился на остановке со своим соперником. Мне стало неловко.

У меня занятия кончились немного раньше. Было прохладно, и я поднял капюшон куртки, он меня и не заметил. Стоял на остановке, в одной руке у него был букет цветов, а в другой чебурек. Стоял и смотрел вдаль, в сторону нашей школы, таким же напряженным взглядом, каким смотрела на него собака, приняхиваясь к чебуреку. Дворняга. Она тут вечно крутится. Бездомная. Я обошел его и стал ждать трамвая. А он заметил собаку, присел на корточки и стал кормить ее чебуреком. И смотрел теперь на нее так же, как смотрел до

этого на нашу школу. И я подумал, может быть, он теперь на все вокруг смотрит такими глазами, и отвернулся. Тут резко зазвонил трамвай, и я шарахнулся в сторону. Из вагона мне было видно, как к моему сопернику подошла вторая собака. А потом он резко выпрямился, встряхнув своим букетом, потому что к нему прямо через дорогу шагала **English teacher Inga** на высоких каблуках. Они остановились друг против друга, он протянул ей букет. Она подставила щеку для поцелуя. Двери закрылись, трамвай качнулся. Я их еще видел через стекло, но уже чувствовал, как тот самый взгляд теперь передается мне, как зараза²².

²² «Ваш билетик!» – тычет меня сзади под ребра контролер. Я вздрагиваю, оборачиваюсь и вижу перед собой широкую улыбку в обрамлении желтых кудряшек. «Ну что? **Как там сберкасса?** Когда на дело?» – спрашивает Ирина Б. В руке у нее пакет с апельсинами. Я беру один и разглядываю его. Они с Ириной чем-то похожи.

6

«Человек с киноаппаратом»

Каждый раз после этого фильма я какое-то время живу по-другому. Вернее, живу так же, но вижу по-другому. Мне сразу становится заметно, что комната у меня прямоугольная, а окно квадратное. Я и раньше это знал, но теперь мне видно, каково отношение этого прямоугольника к этому квадрату. Математическое. Во мне просыпается зрение.

На заднем дворе, у служебного входа в магазин, грузят ящики, и грохот каждого повторяется дважды, отразившись от стены соседнего дома.

Веселые желтые занавески на одном из окон мгновенно заставляют представить счастливую семью.

Белесая дымка прикрывает синеву неба и делает очертания гор вдалеке театральными на вид.

В лакированных дверцах автомобиля выпукло отражаются кубы зданий.

Встречаю бывшую коллегу, раскланиваемся. Она начальница, до сих пор воспринимает меня как подчиненного.

Принадлежит к числу тех женщин, красоту которых портит безгловое выражение лица.

Из открытой двери магазина вдруг так освежающе утешительно пахнуло цветочным мылом.

Воскресным утром во дворе отчетливо слышно радио, жизнерадостно тараторящее у кого-то на кухне.

Утренняя прохлада, тишина, пустота и пасмурность — успокаивают.

Немолодая уже дама с высокой прической, в длинном вечернем платье и туфлях на шпильке, одна на автобусной остановке очень ранним утром. Мимо нее, семена, проходит в церковь старушка, ссутулившаяся, в платочке. Ее ровесница.

Небольшое судно с ярко-синими бортами и белой рубкой идет к выходу из бухты. И завидуешь экипажу, оторванному от дома и потому как будто беззаботному.

Правильная жизнь та, в которой ничего не происходит, кроме нее самой. А что такое она сама, этого никто, на самом деле, не знает. Может быть, просто ритмическое повторение.

Заметил, что только у немолодых женщин бывает страсть

срывать объявления, наклеенные возле дверей в подъезд.

Наблюдательность — последнее, что остается, и, по возможности, спокойствие.

Ряд автомобилей, омытых дождем и похожих на новенькие разноцветные пластиковые шайки.

Дзига Вертов. «Человек с киноаппаратом». Я показывал этот фильм с уступкой публике, то есть со звуком (музыкальной подложкой, попури в стиле 20–30-х годов), а там не должно быть никакого звука на протяжении всего фильма, вот тогда эффект по-настоящему оглушительный.

Я представляю, кем были бы мои друзья и знакомые, если бы жили в конце двадцатых — начале тридцатых годов прошлого века. Иван был бы летчиком, в кожаном комбинезоне, в крагах, стриженный под бокс, улыбался бы белозубой улыбкой парня с плаката и по утрам пел, обтираясь по пояс водой из умывальника на кухне коммунальной квартиры, а потом ехал бы в открытой машине на аэродром, закуривая по пути «Казбек» из пачки, протянутой военкомом с тремя ромбиками в петлицах.

А Лева был бы агрономом, бодро встряхивал бы блондинистыми волосами, смеялся, держа в больших руках огромные помидоры нового сорта.

Дима Р. спроектировал бы какую-нибудь невероятную передающую антенну, возвышающуюся как сетчатый каркас новогодней елки, и водил экскурсии пионеров в белых рубашках и красных галстуках по лаборатории, показывая новейшие радиоприборы с крупными, торчащими, как пипетки, тумблерами.

Инга, в платье, длинном, как полярная ночь, переходящая в зеркальную черноту концертного рояля, пела бы на сцене Большого театра.

А я бы снимал их всех для очередного выпуска киножурнала.

Ну потом, если повезет, встретились бы все где-нибудь в Кремлевском дворце съездов или на Колыме.

Спросил у других арендаторов, не будут ли они возражать, если я повешу на стенах постеры с актерами немого кино. Лева давно мне их сделал по фотографиям. У него на работе какой-то необычайный, промышленный принтер. Постер с Гретой Гарбо вышел почти два метра на метр. Я сказал, что не надо уж этот переделывать, а остальные можно чуть поменьше, а то вешать сложно. Теперь у меня были Чаплин, Гарольд Ллойд, Бастер Ки-тон, Сессю Хаякава, Мэри Пикфорд, Аста Нильсен, Вера Холодная, Нита Нальди, Пола Негри. Сетевой маркетинг, заседавший по вторникам, был не против, а буддисты сначала колебались, не замутнит ли это им сознание дзен. Но потом смирились.

«У тебя тут прямо капище», – сказал Лева. Действительно, когда сидишь вечером один, после сеанса, погасив верхний свет, то чувствуешь себя странно. Я люблю посидеть так один после сеанса. Успокаивает. Глядя на них, я верю, что существует все-таки настоящая жизнь.

Утром во дворе семейная ссора. Окна открыты, я бреюсь и слушаю – у меня в ванной нет зеркала. Жена-узбечка кричит мужу: «Устраивайся на работу» – и добавляет громко: **«Без денег секса не будет!»** Кричит она, не стесняясь выражать на чужом ей русском языке такие вещи. Вечером я дергаю за кольцо банку пива, и струя пены брызгает на мою белую рубашку. Мужчина стоит под окнами дома напротив и кричит: «Зульфия! Открой!» Я делаю несколько глотков. В окне показывается Зульфия. Как раз на уровне моего этажа. «Деньги принес?» – кричит она. «Нет. Завтра дадут». – «Без денег не пушу». «В общем, понятно, у них пятеро детей», – думаю я. На другой и третий вечер повторяется та же сцена. Потом еще три дня проходит. Узбечка стоит уже перед нашим домом и кричит: «Рахим! Юсуф у тебя?» – «Нет». – «Открой мне, я ему ханум принесла». – «У меня его нет». – «Я тебе отдам». – «Не надо». «Уже разговаривают по-русски даже между собой, – думаю я. – А сколько бы мне понадобилось, чтобы заговорить по-узбекски?»

На другой день Рахим и Юсуф вдвоем скребут снег лопатами. Жена Юсуфа стоит, не решаясь подойти. В руках у нее

кастрюля, завернутая в полотенце с узорами в тон ее платка, повязанного вокруг головы. Та же картина на следующий день. Рахим и Юсуф не смотрят на нее. Работают сосредоточенно. В конце недели вместо жены приходит маленькая девочка. Юсуф садится на бордюр рядом с дочкой, обнимает ее за плечи. Они сидят и смотрят друг на друга.

Я прохожу мимо и чувствую в сердце тяжесть нежности.

Я запомнил руку ее отца, не хватает двух пальцев.

Мне всегда хотелось, как Дзиге Вертову, обходиться без слов, например, научиться танцевать²³.

²³ Вот я и вспомнил про своего Божественного Валентино, взял и пошел по адресу, в его школу. Бывшее здание потребсоюза, и телефонной станции, и метеослужбы, в общем, чего там только не было, чего только нет теперь: и мормоны, и баптисты, и ООО, и ААА, и ОАЗТ, а вот лифта нет, пешком на пятнадцатый этаж иду. Пришел. Музыка. Я застеснялся входить. Вдруг, думаю, сразу танцевать заставят. Зашел. Зал паркетный. Окна огромные, и дует от них страшно. Впереди на стене – зеркала, две-три пары чего-то репетируют на паркете. Держат друг друга, как статуи. Я снял шапку, улыбаюсь, а мне навстречу идет такая ослепительная, вся обтянутая и в блестках, с прямой спиной и синими глазами. Спрашивает. А я забыл, что мне надо. Не Рудольфо же Валентино спрашивать у нее. Начинаю объяснять, сбиваюсь, помогаю себе руками. Она кивает, а я сам толком не понимаю, чего я говорю, ну чисто немое кино. «Конечно, можно записаться», – говорит. «А я, – говорю я, – до этого с другим тренером разговаривал, такой, говорю, молодой, на латиноамериканца похож». А сам думаю, он же не тренер, это же не спорт, что обо мне подумает эта небо-жительница в блестках на такой груди. Она улыбается. Говорит: «Да, это Валерий... Он сейчас на фестиваль уехал». – «А когда приедет?» – «Так, дайте подумать, – говорит, – уехал он шестнадцатого, значит, вернуться должен двадцать третьего, через неделю». – «Понятно, – говорю, – спасибо, я еще зайду». – «Заходите», – говорит и опять улыбается и сияет. Я иду вниз и думаю: «Интересно, она всегда такая, и дома

Я теперь жду. Я ждал, кто же появится третьим. Чудеса нуждаются в трюизмности. Никто не появлялся. Долго. А тут после сеанса подходит ко мне Дима Р. и спрашивает: «Кто это такая?» – «Кто? – говорю. – Ты про кого?» – «Ну, вот девушка, ты разговаривал с ней сейчас». – «Не знаю, – говорю, – странная какая-то. Говорит мне: **“Как бы я мечтала увидеть себя на этом экране”**». Я ей отвечаю, мол, для этого вам надо было бы родиться **лет сто назад**. Она смеется. Посмеялась и ушла. А что?» – спрашиваю. «Да ничего, – говорит Дима Р., – просто, знаешь, она, ну вылитая **Клара Боу**». Я помолчал. «А кто это?» – спрашиваю. «Ты не знаешь?!» Ну, всего ведь нельзя знать. Да, я не знал, кто такая Клара Боу, и фильма ни одного с ней не видел. А когда на фото ее посмотрел, то прямо закачался. Вот это да. Вот это сходство. И говорит мне еще тогда: «Как бы я мечтала увидеть себя на этом экране». Невероятно... «Так бывает, – сказал мне Лева, – когда серьезно чем-то занимаешься, мир вокруг тебя начинает меняться». И, подумав, добавил: «Вот был у меня на флоте один товарищ, пил очень серьезно – и

такая? Нет, так не бывает никогда. Это только здесь, на работе, когда танцует. Я на работе тоже всегда лучше, подтянутый, бодрый, только что не танцую...» Остановился. Побежал снова вверх, вошел в зал, машу рукой, она подходит. «Вы сказали, он уехал шестнадцатого?» – «Да». – «Не может быть, потому что... ну, мы виделись с ним восемнадцатого». – «Нет, это невозможно, – улыбается. – Вы ошибаетесь». Вышел, жарко, расстегнулся, пошел вниз, тридцать лестничных маршей, и все время считал, шестнадцатое, восемнадцатое, нет, не может, ну я же...

мир вокруг него однажды изменился».

«Может быть, я нечаянно вызываю духов своими киносеансами?» – «Может быть, – тут же согласился Лева, – у того парня тоже так было». – «Но их же все видят!» – «И он так считал», – кивнул Лева, радуясь совпадению. «Дима видел Клару Боу!» – «Та-ак... уже и Дима видел...» – усмехнулся он. «Вот она придет в другой раз, я и тебе покажу». – «Покажи».

Я подумал: а что, если мне установить камеру на входе. Так, не очень заметную. Надо выяснить, сколько это стоит. А скоро, двадцать первого числа, вернется из своего турне Рудольф Валентино. И я докажу. А если не вернется? Вот ведь та, которая Грета Гарбо, не вернулась... И тут я вспомнил о сумочке. Она по-прежнему лежала в выдвижном ящике стола. Мне надо посмотреть, иначе как я отдам владелице. Всегда принято спрашивать, что у вас там лежит, в подтверждение, что это настоящий владелец. «*У Греты Гарбо спрашивать... в подтверждение?..*» Я кашлянул и открыл сумочку. Там лежала пудреница *Guerlain*, пачка салфеток *Kleenex* и зажигалка в виде дамского пистолета с перламутровой ручкой. Он весь помещался у меня в ладони и был приятно тяжелым на вес. Достаточно убедительным для самообороны и изящным.

Надо камеру. А когда камера будет снимать обычные вещи, это будет почти как у Дзиги Вертова, и без звука. Таких

камер сейчас в каждом гастрономе, но вот монтировать не умеют, а ведь сколько материала пропадает.

Я пошел в парикмахерскую, это отвлекает. Особенно когда вас стрижет слепая парикмахерша. Мне жаль лишать старуху заработка, вот я и хожу. Она меня уже знает и не обижается, когда я ей подсказываю. Надо просто внимательно следить в зеркало. Она рассказывает что-нибудь: о том, как раньше работала в престижном салоне, как участвовала в конкурсах парикмахеров, о том, кто и какие салоны открыл по городу. В этом смысле мой кругозор расширился, хотя и за счет моей прически.

Но сегодня в парикмахерской я сделал новое открытие. Я понял, что женщины падки на славу. То есть я это и раньше знал, но абстрактно, как все. А теперь на собственном опыте.

Я же не смотрю ТВ, у меня даже нет дома ящика. А тут я прямо дернулся и слепая парикмахерша мне чуть ухо ножницами не отхватила. Опять этот тип, только на экране! Любownik **English teacher Inga**. Телевизор стоит старый, не плазма. Изображение дрожит. И сам он дрожит тоже, потому что стоит на старом холодильнике «Бирюса». Они там держат какие-то косметические кремы и муссы для волос. И вот на экране появляется он. Оказывается, этот ее ревнивый кавалер кто бы вы думали? Поэт! Это с его-то рожей! Он что-то там говорил о культуре, а потом прочитал свое стихотворение о старой заводской трубе из красного кирпича, кото-

рая смотрит в небо днем и ночью, чувствует каждый свой кирпич, помнит старых рабочих. Вверху плывут облака, говорят «привет», а потом – «пока». В августе ей в горло падают звезды. Жюль-верновская пушка, телескоп и каменные глыбы Стоунхенджа ей как сестры. По роду она женщина, по Фрейду – скорей мужчина, скучает по юности, вспоминая запах дыма. Быть выше других – ужасное одиночество, а искорка, некогда упавшая в горло с неба, давно смешалась с мусором на дне.

«И не стыдно же ему позориться, читая такое!» – подумал я. Но все равно мне было перед ним неловко за тогдашнее.

Прическа вышла такая, что мне пришлось тут же купить кепку. «Проклятые телевизоры, проклятый рифмоплет!»

Завтра первый фильм даем с тапёром. Сегодня вечером он придет репетировать. Будет комедия с Гарольдом Ллойдом – «Ногами вперед». Комедии любят. Мне друзья советуют показывать одни комедии. Народу больше ходить станет. Да. И за аренду надо уже платить послезавтра. И опять за квартиру...

«Репетиция оркестра»

Есть люди, которым нравится одно какое-нибудь слово или выражение. Например, «логично», «стопудово», «клиника», «разрыв шаблона», «не то пальто», «картина маслом». Одна моя знакомая, восхищаясь чем-нибудь, всегда говорила «ну, в общем, поэма в камне».

Есть люди, которым нравятся вводные «как говорится», «на самом деле», «в сущности». Они вставляют их в каждое предложение. Я знал человека, который внимательно выслушав вас, мог ответить: «Ну, как говорится, да». Я все ждал, когда он произнесет «как говорится, я».

Есть люди, которые просто любят говорить. Например, мой приятель А. очень любит. И всегда говорит ерунду. Много, пространно, с отступлениями и ремарками. И я всегда слушаю и не знаю, зачем он это говорит. А ему просто нравится. Нравится жить, нравится звук своего голоса и то, что я его слушаю. Ему кажется, что он доставляет мне удовольствие. И ему от этого радостно самому. Он счастливый человек. И все, что он говорит, – правильно. Я соглашаюсь, киваю. Но почему-то совсем неинтересно. Если сделать глупость и вставить реплику, он начнет, восхищаясь вашим остроумием, обыгрывать ее на все лады, как новую тему композитор эпохи барокко. Из него вышел бы отличный немец-

кий писатель, типа Гессе; читаешь его, читаешь, все тебе уже десять раз понятно, а он все пишет и пишет... У нас была когда-то такая словоохотливая домработница. Но я ей в таких случаях всучал пылесос. Она продолжала говорить даже с воющим в руках пылесосом. Даже когда я выходил из комнаты. Она кричала, стараясь, чтобы я ничего не пропустил, и следовала за мной, пока хватало шнура от пылесоса.

А есть люди, которые практически не говорят. Например, Иван Васильевич.

Он пришел репетировать. Швырнул на спинку стула свой пиджак песочного цвета. Смотрел на экран. Руки свободно и как бы независимо от него исполняли один из регтаймов Джоплина Скотта. Мы начали со «Спидди» Гарольда Ллойда. С живым звуком это смотрелось потрясающе свежо, как будто вы сами внутри фильма, внутри эпохи. А вот с «Усталой смертью» Фрица Ланга ему пришлось долго повозиться. Я сказал, что это необязательно, можно пустить ту озвучку, что есть. Иван Васильевич помолчал, глядя на клавиши, потом сказал: «Да. Конечно. Там ведь Бетховен». А после добавил: «Но я хотел бы попробовать...» И это было все, что он сказал за два часа. На прощание пожал мне руку, молча, глядя прямо в глаза, и ушел. Замечательный человек. Я просто отдохнул, освежился за эти два часа.

А когда он играл *Magnetic Rag*, у меня даже защипало в глазах.

Настройка всей жизни в фокус. Когда утром не дал себе поблажки: зарядка, контрастный душ. И с вечера начищенная обувь, свежий, отглаженный носовой платок. И никаких там иллюзий. Готовность к тому, что все может пойти не так. Вообще забыть, что бывает «так» или «не так». Бывает как бывает, и все.

Бывают вообще такие дни, про которые не снимают фильмов, не пишут в книгах, про них нечего сказать, они в слепой зоне искусства. Что ты скажешь о том, как скучно зашнуровывать утром тяжелые, уже порядком поношенные зимние ботинки? Трудно просыпаться, когда знаешь, что в этот день жить-то, собственно, и незачем. Все то же самое. И привычная перспектива самой обыкновенной поездки в трамвае и автобусе заражает сердце такой скукой, что собираешься на работу, спотыкаясь; забываешь самого себя, бросаешь его где-то там потому, что нет сил тащить *это* с собой. И вот один ты, брошенный, со всеми своими мечтами, фантазиями, надеждами, амбициями, страданиями, подыхаешь там, на полу, под батареей, зато другому, тому, который все же выходит на улицу, становится легче. Этот другой избавился наконец от вечного нытика и мечтателя, идет теперь солдатским шагом в своих не новых, но еще крепких сапогах, в одном строю с такой же суровой утренней пехотой. И где-то ближе к обеду, может быть, без всякого повода улыбнется. Потому что хорошо жить без себя. Легче. И вечером он возвращается, надеясь, что тот другой, свободный человек,

издох. И больше он не помешает рабской простоте твоего существования. А другой тут же воскресает. Начинает искушать. «Отдохни, расслабься, помечтай». И все начинается сначала.

Но, может быть, именно в такой вот очередной ненужный день и произойдет что-то. Не то чтобы чудо произойдет, счастье выпадет. Это вряд ли. Скорее произойдет что-то, после чего счастьем тебе покажется та самая скучная жизнь, которая казалась незачем. Так устроено в мире. Смысл жизни придается задним числом.

И каждое утро в такой день, когда хочется послать все к черту, махнуть рукой, нарастающее томление необходимости выталкивает тебя на поверхность будничной зыби из сладкого сумрака мечты.

И с этого момента нужно начинать, как в оркестре, с первой цифры. Вот я представляю, как они там, давно под стенами Трои, – ветер, пыль, палатки, гомосексуализм, и так девять лет... Все надоело, но надо *обрадоваться*, чтобы идти в бой. А то потом не о чем будет петь нищему, слепому старику на твоей родной улице; нечего заучивать на память ученикам классической гимназии; не про что писать картины мастерам эпохи Возрождения; не про что сочинять музыку композитору Кристофу Виллибальду Глюку. Лучшая часть будущего останется без работы, если ты сегодня не выйдешь из палатки и не умрешь.

Улица молодая, холодная, еще синяя. Доезжаю до своей

остановки и выхожу из трамвая. Трубы-исполины. Розовый пар. Восход над ТЭЦ № 2! Это ведь может вдохновлять?! Живописца Тернера, например? Забор войсковой части, колючая проволока, приземистый одноэтажный корпус XIX века, в котором каждое окошко смотрит на вас палатой № 6. И представляешь себе зависть, с которой глядит на тебя оттуда какой-нибудь задроченный салага-срочник, просто потому что ты по ту сторону забора.

На первый урок приходит первоклассница с молочно-голубым взглядом и таким же голосом. Волшебная, нежнейшая. С ней мама, про которую я могу с уверенностью сказать, что она в жизни не прочла ни одной книги, идеал ее юности – группа «Блестящие», журнал «Лиза» – ее Библия, но теперь она в роли взрослой, в роли матери, делает ненужные замечания, мешает ребенку, лишь бы самой что-то сказать, но в данном случае неумелость, тяжеловесная кондовость этой одетой по похабному красиво дуры и есть главная задача ее *музыкальной партии*, ее роль, и она справляется с ней виртуозно! Мы даем вступление, запинаясь на этих синкопах, от которых раньше мне хотелось выскочить в окно. Но теперь я вкушаю гармонию. Аллегро.

(Ты лучше вспомни, как у тебя штаны лопнули, когда ты сам отплясывал пьяный на корпоративе под «Блестящих» – строит мне рожу вторая скрипка-воспоминание.)

Потом с лицом хорошо выспавшегося недоросля является Дениска. Он вообще похож на эдакого румяного барчука, ко-

торого добрая мамаша до тринадцати лет ничему не учила, и он знай себе играл с дворовыми мальчишками в горелки, пока не стали у него пробиваться усы. Дениска любит изображать работу ума. Он хмурится, трет лоб, щурится и шевелит губами. Повторяет одно и то же слово, как заклинание, но при этом совсем не думает. Сегодня он пришел с заданием. В школе задали текст для пересказа. «Ты его читал?» Дениска кивает так, что сразу понятно – ему пойдет военная служба. Но рассказать не может даже по-русски. Он прочел его как мог по-английски, но не понял. Он не знает, как переводятся слова, из которых состоит этот рассказик. В сущности, он до сих пор не понимает, что значит слово «прочел». Мы подчеркнули слова карандашом, и оказалось, что знакомых Дениске среди них едва набирается с десятков, вроде таких: «я», «он», «и», «два», «улица», «в», «идти», «когда», «не», «машина», «работать». За час мне нужно научить его пересказывать по-английски. Я понимаю, это всего лишь одна страница из школьного учебника, но задача по своей неподъемности так велика, что сравнима с подвигами античных героев. В честь нее можно было бы воздвигнуть если не монумент, то стелу нам обоим или написать главу «Илиады».

* * *

Я долго не могу увидеть вещь. Я вообще их редко вижу толком. Воспринимаю бегло, как символы; ведь не читаем

же мы каждую букву в тексте, мы схватываем сразу, не замечая опечаток, родовых пятен слова, нам некогда входить в детали. Нужно остановиться, чтобы увидеть что-то толком, иногда это случается.

Занимаясь с Дениской, я повторяю слова, которые от повторения теряют смысл, и смотрю в окно на мини-грузовик *Atlas*. Сначала я просто смотрю, как обычно. Вот грузовик, стоит и мигает аварийкой. Слова, которые говорю, перестают что-то значить, а грузовик наливается смыслом. Я стою и вытягиваюсь в него, зачарованный этим миганием оранжевых габаритных огней. Я вижу себя самого, ребенком, созерцающим из окна бесконечно долгий день, в ожидании родителей, и вспоминаю, как грустно мне становится, когда от противоположной стороны улицы отъезжает машина, которая стояла там с самого утра. Вот и она уехала, тоскую я, теперь мне еще более одиноко будет ждать маму и папу. Вдруг они вообще не придут... С машиной я как-то уже успел сродниться за день. А теперь... Оттуда, из своего прошлого я с удивлением вглядываюсь обратно в сегодня, на себя, глядящего на этот грузовик, круг замыкается, даря мне легкое головокружение. «He goes to school every day...» – повторяет Дениска, и я изумленно поворачиваюсь к нему.

Через час Дениска, как погруженный в транс, без остановки бормочет подряд десять английских предложений и, ступая осторожно, выходит из моего кабинета, чтобы не растряссти свои хрупкие знания по дороге в школу. Рондо.

День разгорается, стоматолог включает свою фрезу, дворники проходят по коридору с деревянными лопатами, похожие на солдат Урфина Джуса, а квартет десятиклассниц разыгрывает передо мной прогулку по *Trafalgar Square* и *Piccadilly Circus* в развернутом диалоге, и где-то там мелькает мой узенький и неглубокий ход в бессмертие. Кто-нибудь из них, может быть, вспомнит потом (на этой самой *Piccadilly Circus*) забавного учителя, это и будет моей скромной *Nelson's Column*. Скерцо.

И уже в сумерках курильщик с балкона напротив моего окна чиркает своей зажигалкой. Небо синеет. Облака выстроились углом. Я опускаю рольставни. Трамвай, покачиваясь, летит мимо меня, разметая осеннюю листву. Я иду пешком. И, как искра с проводов, вспыхивает во мне ясное убеждение, блеснувшее только на секунду, чтобы не слишком ослепить. Я все равно не смог бы объяснить этого чувства, этой искры...

«Уродцы»

На одном из окон оборвалась штора. Вешать некогда. Сеанс через десять минут. К счастью, это то самое окно, которое завешено плакатом с уличной стороны. Стас Михайлов плохо пропускает свет. Взирает на нас как на гномов в коробочке. Сегодня народу много, пришли люди, которых я раньше не видел в моем кинозале. Фильм того стоит. В главной роли русская актриса, красавица Ольга Бакланова. Фильм звуковой. Знаменитые «Уродцы» Тода Броунинга 1932 года. Был запрещен до 1960-го, кажется. Там цирковые артисты, карлики, сиамские близнецы, микроцефалы и прочие, славные, в общем, ребята, работают вместе с «нормальными» актерами, красавицей Клеопатрой и силачом Геркулесом – подлыми, безнравственными личностями. Красавица-гимнастка (Ольга Бакланова) влюбляет в себя карлика, который унаследовал крупное состояние. После свадьбы она пытается его отравить. Ну и чем все это кончается? Первая версия была на полчаса длиннее. Потом урезали жестокие сцены, когда униженные и оскорбленные уродцы отрубают Клеопатре ноги и кастрируют Геркулеса.

– Нельзя понять, кто из них уроды на самом деле, значит, вывод: все люди – уродцы, одни моральные, другие физические, – сказал Лева после просмотра. – Я вот смотрел на

экран, на зрителей и на этого, – Лева показал на просвечивающее за окном на плакате лицо Стаса Михайлова. – И думал: он один *человек*, а мы все тут в зале уродцы. Ты посмотри на публику, вот Паша Горожанкин, знаешь его? Пишет говенные стихи, выпускает собственные книжки. Вот Юля Зуева, она рисует карамельные пастеральки с феями, водопадами. У Веры Тослтухиной театральная студия, вроде самостоятельности, я хожу туда, когда хочется поглумиться над чем-нибудь. Добрые правильные спектакли о человеческой доброте. Да в кого ни ткни – уроды! Я сам урод еще хуже. А он один, как титан, – снова показал Лева на Стаса Михайлова, – как этот Геркулес из фильма. Поэтому его в конце и кастрируют, а Клеопатре отрубают ноги, потому что не фиг быть такой красивой среди уродов. Хороший фильм. Правильно его запретили. Показывать надо только говно типа «Звездных войн» – уродское кино про уродов для уродов-зрителей. Коньяку хочешь?..

Какие-то вещи Броунинг явно пропускал через себя. Автобиографично. В юности выступал в бродячем цирке. Его клали в гроб и закапывали в землю. Такой трюк. Недаром парень потом захотел сделать фильм о вампирах и снял в 1931-м «Дракулу» с Белой Лугоши в главной роли.

В «Уродцах» он хотел примерно наказать подлецов, но в процессе мщения увлекся и высвободил некую эманацию зла. Уродуя Клеопатру в кино, он как бы навлек на себя про-

клятие в жизни. Уродцы вырезают, вроде как поделом, ее лживый язык. И Тоду Броунингу в конце жизни отрезали язык во время операции по поводу рака горла. Клеопатра стала уродиной, и Тод Броунинг последние годы жизни не показывался даже своим родственникам.

Насилие всегда перевешивает справедливость, даже если формально служит ее восстановлению.

Ольга Бакланова (Клеопатра) ушла из кино и добилась славы на Бродвее, умерла в Швейцарии в 1974 году.

Гарри Эрлс (обманутый малыш Ганс) до этого специализировался на исполнении ролей злобных карликов – таких как адский Труляля в «Несвятой троице» того же режиссера. Его возлюбленную Фриду в «Уродцах» играла его сестра-карлица Дейзи Эрлс. Вместе с еще двумя сестрами они составляли знаменитую цирковую семью Долл и построили себе дом по специальному проекту с кукольной мебелью внутри. Мечта любого ребенка. Последняя, младшая из сестер, Тини, умерла в возрасте 90 лет. То есть в 2004 году.

Сестры Хилтон, игравшие сиамских близняшек, заводили множество романов и несколько раз тщетно пытались получить разрешение на брак. После заката артистической карьеры работали клерками в продуктовом магазине и скончались от гонконгского гриппа в Северной Каролине. Мюзикл, поставленный по мотивам их жизни, получил четыре номинации на премию «Тони». Многие женщины могли бы позавидовать их славе и успеху у мужчин, и далеко не у каждой

отыщется такая верная подруга на всю жизнь, какими были сиамские сестрички друг для дружки.

Микроцефал Шлитци сыграл самого себя. Настоящее имя, дата и место рождения неизвестны. Страдал умственной отсталостью тяжелой формы. По развитию интеллекта был на уровне ребенка трех лет. То есть прожил всю жизнь, не имея понятия, кто он и что он. Антрепренеры выдавали его за мужчину и за женщину, за гермафродита, за последнего ацтека – у кого на что хватало фантазии. На старости лет был сдан в больницу, где страдал от тоски, не имея возможности выступать перед публикой. Но тут его увидел знакомый шпагоглотатель Билл Ункс (О, волшебные цирковые сальто нашей жизни!), который, находясь в творческом простое, подрабатывал в больнице санитаром! Шлитци вернули в цирк. Он гастролировал в Лондоне и на Гавайях. Везде изображал, в сущности, самого себя и был похоронен в безымянной могиле. Поклонники собрали деньги на памятник и выбили надпись. «Шлитци». Но ведь это только сценический псевдоним. Идеальная судьба артиста. «Моя жизнь – в искусстве», – мог повторить о себе вслед за Станиславским и Шлитци. Если бы умел разговаривать.

«Носферату. Симфония ужаса»

Драматический актер Генри Ирвинг прославился, играя шекспировских злодеев – Яго, Макбета, Шейлока. На заре немого кинематографа он был уже слишком стар. А жаль. В немом кино его мог ожидать колоссальный успех у публики в Советской России. Это был один из любимых актеров Карла Маркса. Именно внешность и манеры Ирвинга вдохновляли Брэма Стокера, когда он писал своего Дракулу. Склонность к готическим фантазиям зародилась у Брэма в детстве. Ребенком он был серьезно болен, практически не мог ходить до семи лет. Зато потом замечательно играл в футбол, с отличием окончил Тринити-колледж и дебютировал в дублинской газете «Вечерняя почта» сочинением «Должностная инструкция мелкого клерка». Кроме журналистики, увлекался театром, писал рецензии. Так и подружился с Генри Ирвингом и вскоре стал директором-распорядителем театра «Лицеум». Переехал в Лондон, подружился с Конан Дойлом и Оскаром Уайльдом. У последнего увел красавицу Флоренс Бэлкхем, в которую Уайльд был безответно влюблен. «Дракулу» Стокер написал в 1897 году под влиянием творчества Джозефа Шеридана Ле Фаню, в частности, его новеллы «Кармила» (1872). Других книг Стокера не знают. Хотя у него наберется еще с десяток. Сейчас трудно поверить, что «Дра-

кула» – этот исполин масскульта – писался как серьезный роман. Стокер потратил восемь лет на изучение материала: фольклор, легенды, обычаи, география...

Фридрих Мурнау играл в студенческом театре. Его заметил Макс Рейнхардт. Начало карьеры прервала Первая мировая война. Мурнау пошел добровольцем, был произведен в офицеры и попал в часть воздушной разведки. Во время одного из первых полетов ему несказанно повезло. Он заблудился в тумане, сел в Швейцарии и попал в плен. В Люцерне ставил до конца войны спектакли с участием военнопленных. После войны занялся кино. «Изумруд смерти» (1919), «Ужас» (1920). Любил страшное. Экспрессионист.

Красавица Флоренс Стокер (урожденная Бэлкхем), вдова Брэма Стокера, отказала в правах на экранизацию романа. Наверно, не любила немцев. Но Мурнау уже загорелся идеей. Так Дракула стал графом Орлоком, для конспирации. Поменяли также место действия и имена остальных персонажей. Обман открылся. Флоренс Стокер потребовала через суд уничтожения всех копий. Студия *Prana Film* обанкротилась. «Носферату» стал ее первым и последним фильмом. Ужас начался удачно.

Шрек переводится с немецкого как «ужас». Человек с этой фамилией и сыграл графа Орлока. Тоже фронтовик, тоже из труппы Макса Рейнхардта, то есть дважды «однопольчанин» своему режиссеру. Макс Шрек, скромный театральный актер, труженик, играл в дебютной пьесе Брехта «Бара-

баны в ночи», умер почти на сцене, стало плохо во время представления. Инфаркт. Сердце «вампира» не выдержало.

Густав фон Вангенхайм (тот самый миляга, продавец недвижимости, что отправился в Карпаты, оставив дома молодую жену) прожил интересней. Поездки к вурдалакам захватили его. Странствия, начатые в кинематографических Карпатах, привели Густава в гостиницу «Центральная» в Москве, где останавливались все участники Коминтерна, прежде чем переселиться в тюремные камеры своего нового хозяина. На правах человека бывалого, своего среди монстров, фон Вангенхайм накатал донос на своих товарищей Каролу Неер (любимую актрису Бертольта Брехта) и ее мужа Анатоля Беккера, инженера-конструктора. Так красавица Карола Неер попадает к графу Орлоку, русифицировавшемуся на этот раз в виде Орловской тюрьмы. Муж расстрелян. Карола умерла в 1942 году в тюрьме от тифа.

Александр Гранач (Гранах) – в фильме Кнок, в книге Стокера Ренфилд – знал два языка – идиш и украинский. Девятый ребенок в крестьянской семье, он забрел как-то во Львове в театр и решил стать актером. Уехал в Вену, потом в Берлин. Пек там булки и штрудели. По вечерам вешал фартук на гвоздь и шел играть в любительских спектаклях. И опять школа Рейнхардта! Рейнхардт всех замечал. Первая роль Гранача в театре – Гамлет! Повезло, заболел главный исполнитель, выпустили Гранача. И сразу успех. Так бывает только в фильмах про актеров. И как ему было после этого

не попасть в кино? Играл долго (23 фильма), умер рано (54 года) в США. Мемуары стали бестселлером.

До «Носферату», то есть до 1922 года, Мурнау снял десять фильмов, в пяти из которых сыграл его друг Конрад Фейдт. Тот самый (см. «Кабинет профессора Калигари») сомнамбула. В Голливуде дела у Мурнау пошли хуже, особенно с приходом звука в кино. По пути на премьеру своего последнего, сильно искромсанного цензурой этнографического фильма «Табу» Мурнау погиб в автомобильной катастрофе. На прощании едва набралось с десятков человек. Прошел слух, что шофер-филиппинец, который вел его «роллс-ройс» в тот злополучный день, был любовником режиссера. Грета Гарбо не побоялась, пришла. Тело Мурнау забальзамировали и отправили в Германию. Похороны прошли 13 апреля 1931 года в Штансдорфе.

13 июля 2015 года его голова исчезла из семейного склепа. Граф Орлок, так сказать, отправился на прогулку.

– Не очень фильм. Скучноватый, – сказал Лева. – Дракула в чепце этом бабьем на Плюшкина нашего похож.

– Да, такое нам уже давно не страшно, – согласился я.

«Невеста Франкенштейна»

– Это Кадочников? – все время спрашивала меня мама, когда я включил ей этот фильм несколько лет назад. Ей казалось, что доктора Франкенштейна играет Герой Социалистического Труда, лауреат трех Сталинских премий Павел Кадочников. «Я и не знала, что он, оказывается, в таких фильмах снимался!» – удивлялась мама. «Ну да...» – соглашался я, чтобы не разочаровывать ее. На самом деле Франкенштейна играет Колин Клайв. Юноша, который мечтал стать военным, но вместо этого попал в одну театральную труппу с молодым Лоуренсом Оливье. В спектакле «Конец пути» по пьесе Р. С. Шериффа Колин с успехом заменял Лоуренса, и никто тогда не видел между ними особой разницы. Уехал в Голливуд, оставив в Англии свою супругу Джинн де Ксалис. Говорят, что их брак был только прикрытием лесбийских наклонностей Джинн. В Голливуде много снимался и много пил. Умер в тридцать семь, и еще сорок лет после этого его прах пролежал неостребованным в подвале крематория. Потом развеяли над океаном. Так что нет. Это совсем не Кадочников.

Эльза Ланчестер – собственно, невеста монстра, а никак не доктора Франкенштейна – училась танцам у Айседоры Дункан. Но не долго. Потом сама давала уроки танцев ради

куска хлеба. Первый заметный фильм – «Частная жизнь Генриха VIII». Вместе со своим мужем, знаменитым Чарльзом Лоутоном, сыграла в фильме «Свидетель обвинения» 1957 года (в главной роли в этом же фильме блистала Марлен Дитрих). Снималась в кино почти до восьмидесяти лет. Последний фильм с ее участием назывался «Умри смеясь» 1980 года. В «Невесте Франкенштейна» мне особенно запомнились ее электрические, намагниченные волосы и не менее «электрический» взгляд.

Уильям Генри Пратт, сыгравший несчастное чудовище, взял себе псевдоним Борис Карлофф, чтобы не компрометировать своих родственников, находившихся на дипломатической службе. Он и сам вначале планировал стать дипломатом. (Опущенные углы его рта вызывают в моем воспоминании физиономию Андрея Громыко.) Всю жизнь в образе чудовищ в кино, на радио и телевидении, а был женат шесть раз. Вот кого любили женщины! Ничего удивительного. Когда Карлофф ждал рождения своего первого ребенка, он как раз снимался в фильме «Сын Франкенштейна». Но родилась дочь, Сара. Карлофф примчался в родильное отделение, даже не сняв грим. Если смотреть на его лицо без грима, то в чертах есть нечто общее с Варламом Шаламовым. Но Шаламов жестче.

Сапожник из горняцкого поселка в центральной Англии, Джеймс Уэйл (режиссер) панически боялся воды, что как-то нетипично для англичанина. Он стал одним из основате-

лей жанра фильмов ужасов, правда, уже в звуковом кино. Но приемы еще сохраняли инерцию немого кинематографа. Одним из первых использовал подвижную камеру. Но до этого ему пришлось поучаствовать в Первой мировой, и только в немецком плену он увлекся театральной самодеятельностью. Увлечение не прошло зря и вскоре провело по маршруту Бирмингем – Лондон – Нью-Йорк. Это было триумфальное шествие его постановки «Конец пути», дошедшей до Бродвея. А в 1931-м Джеймс Уэйл снял «Мост Ватерлоо». Но не тот знаменитый с Вивьен Ли и Кларком Гейблом, который так любит моя мама, а другой – с Мэй Кларк и Дугласом Монтгомери. Почти на десять лет раньше! В те времена в Голливуде косо смотрели на гомосексуалистов, и карьера Уэйла не пошла в гору после «Невесты Франкенштейна». Хотя работал еще до 1949-го. А в 1957-м утопился в собственном бассейне, страдая от болей и не видя смысла в дальнейшей жизни. Пересилил в себе водобоязнь.

Снова звонила Ирина Б., звала «грабить сберкассу». Разохотилась!²⁴

²⁴ Есть женщины, которые все время хохочут, блестят глазами и говорят: «Ну не надо!» Ирина Б. относится к такому типу. Ей нравятся апельсины. Когда она их ест, в лице ее появляется что-то кокетливо-пороссячье и грубо возбуждающее. Если вы эстет, конечно. Из ее окон виден порт, самый дальний его закуток, где режут на металл ржавые корпуса маломерных судов и поворачивается старый немецкий кран «Ганц».

Вечером Вова сказал мне: «Я ювелирный подломлю. Ты будешь?»

Хороший парень, подумал я, и мне захотелось ответить: «Да». Так меня вдруг это взбодрило. Мир распахнулся. Хотя я ведь понимал, что это еще одна дурацкая идея уволенного прапорщика, которому так и не удалось продать двигатель от танка.

Мы случайно встретились²⁵. Как всегда.

²⁵ Я, вообще-то, ждал, что произойдет дальше, кто еще появится. Так оно и случилось. Однажды вечером после сеанса. (Показывал фильм Мурнау – «Носферату».) Я по своей привычке задержался немного в пустом зале. Мне нравится там сидеть в тишине, погасив свет. Другой мир. На стенах постеры со звездами немого кино. Запер дверь и вышел на улицу. Дождь. Лужи светились синим, зеленым и алым. Не успел я пройти и десяти шагов, как передо мной предстал Борис Карлофф в тот самый момент, когда за его спиной нервически вспыхнула вечно неисправная синяя надпись «Аптека». Я отшатнулся. «Привет!» – сказал он, протягивая руку. Я узнал прапорщика Вову. У него действительно тяжелый лоб, глубоко посаженные глаза и выдающиеся скулы. «Есть разговор», – сказал Вова. Синяя капля висела на его крупном носу. Мы вернулись в мой павильон. Вова снял брезентовый армейский плащ. Поставил на сиденье венского стула бутылку водки. Вынул два плавленных сырка и банку камбалы в томатном соусе. Потом стал доставать из карманов деньги. Я смотрел молча. Я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь так долго доставал пачки с деньгами. Сложил их на сиденье стула. «Двигатель продал?» – спросил я. «Нет», – ответил Вова и разлил водку по двум пластиковым стаканчикам. Он закурил, и я пошел открыть окно. «Ну как вообще? Дела?» – спросил он. Я сказал, что дела неплохо. «А у меня плохо, – он закурил другую сигарету. – Хату продал». – «Зачем?» – «За долги». Дальше Вова рассказал мне, что после одного глупого случая из прапорщиков его поперли, и даже без всякой положенной военной пенсии. «А ведь я прослужил Родине двадцать пять лет», – Вова несколько раз, загибая пальцы, перечислил мне, где и сколько он служил. «Родина не хочет уважать мои заслуги», – сказал Вова, а потом спросил, понимаю ли я, что это значит. Я осторожно сказал, что

Раз уж ему негде было жить, я отдал ему дубликат ключа от своего кинозала и просил не курить в помещении. Это было глупо, конечно... «Не курить». Все было глупо...

Несколько дней я не был в своем зале и каждый день думал, что он, Вова, его сжег, когда уснул с сигаретой. Телефон его не отвечал. Я приехал в пятницу с дурными предчувствиями и увидел огромный букет красных роз. Букет стоял на

понимаю. «Нет, ты не понимаешь!» – сказал Вова и снова рассказал мне, где и сколько он служил. Я кивал. Мы снова выпили, и Вова сказал, что я один из тех людей, которые могут его понять. Потом он рассказал мне, что после увольнения устроился водителем перегонять иномарки на Урал. «В автовозках». То есть, как я понял, это грузовики, которые везут прицеп с несколькими иномарками. На одном из перегонов Вова заснул за рулем, и машина упала в кювет. Иномарки, конечно, побились. На Вову наехали – выплачивай. Заставили продать квартиру и сказали, что в следующем месяце приедут за долгом. «А то – сам понимаешь...» – сказал он, гася окурок в пустой банке. «Они не имеют права, – сказал я. – У вас был трудовой договор?» Вова усмехнулся. «И когда отдавать?» – спросил я. Развалившись на стуле, Вова смотрел на меня, враждебно улыбаясь с сигаретой во рту. «Никогда! Не для того я хату продал, я рефку куплю и уеду отсюда к едрене фене». – «Ты что, так и ходишь с этими деньгами?» Вова кивнул. «А куда же ты дел все вещи?» – «Продал уже», – сказал Вова. Я вспомнил, что у Вовы дома стояло два холодильника. В одном горела лампочка, когда его открываешь, но он не работал, а во втором не горела. И он тоже не работал. Вова сказал, что продал оба холодильника. На запчасти. И купил на эти деньги четыре бутылки пива. Насчет кровати, тумбочки и электропаяльника я спрашивать не стал. И вдруг, мгновенно протрезвев, что я замечал за ним уже не раз, спросил: «Можно, я поночую у тебя?» Я пожал плечами, мне не хотелось соглашаться. «Всего дней пять-шесть, до отъезда». – «Хорошо», – согласился я. Вова протянул мне руку. «Брат. Выпьем за тебя!» – сказал он, мгновенно снова окосев. «Ты один человек, знаешь какой...» Вова задумался и не придумал, какой я человек, а только снова до боли пожал мою руку, и мы допили бутылку.

стуле, воткнутый в трехлитровую банку. Вова спал на брезентовом плаще возле батареи. За его спиной стояли пустые бутылки. Проснувшись, он хмуро поглядел вокруг. Спросил меня, который теперь час. На стуле аккуратно висел гражданский костюм и белая рубашка. «Я...» – сказал Вова. Он пошел к умывальнику и стал чистить зубы. «Й-о...» – сказал он снова.

Я ждал.

Но Вова передумал говорить.

На подоконнике лежала пустая пачка из-под сигарет *Bond*, полная окурков.

– Я сейчас ухожу, – сказал он наконец.

– Зачем цветы?

– Ах да, блин!

В костюме он был новый. Какой-то ненастоящий.

– Ты жениться собрался?

– Н-н...

Протянул мне руку.

Впрочем, эта загадочность продолжалась недолго. Ровно до той минуты, когда я увидел его в окно. Он преподносил букет девушке. Я узнал продавщицу из соседней аптеки. Но теперь что-то изменилось. Я подался к самому стеклу. Они стояли буквально под окном. Я отвернулся, дошел до стены и вернулся. К счастью, их уже не было. Я боялся, что опять увижу рядом с Вовой вылитую Эльзу Лан-честер. Ту самую, что сыграла невесту Франкенштейна в одноименном филь-

ме Джеймса Уэйла. «Так нельзя, – уговаривал себя. – Так не бывает. У нее просто новая прическа». Электрические волосы...

English Teacher Inga сказала мне, что она закрывает наш кабинет и уезжает со своим кавалером. Я спросил: «Надолго?» – «Мы вообще уезжаем, – сказала она как-то смущенно. – В Лос-Анджелес. У него там родственники». («Вот пройдоха!» – подумал я.)

– В Голливуд, значит, – говорю. Улыбаюсь.

Она обернулась и, видимо, хотела что-то добавить... Развела руками.

Я пришел домой и включил фильм Марио Пейшоту – «Предел» 1931 года. Когда я показывал его у себя, то до конца фильма досидел всего один человек, Лева. Он спал с бутылкой коньяка в крепкой руке. А я могу бесконечно смотреть этот фильм. Особенно первые десять минут, где вообще ничего не происходит. Лодка посреди моря, и в ней – мужчина и две женщины. Я хожу и спрашиваю у всех: что это за музыка? Никто не знает, что там за музыка в начале фильма. А я хожу с ней в голове целый день и все вижу через нее. Мужчина сидит в белой рубашке, опустив голову. Весла опущены, солнечные блики на воде.

Лева сказал:

– Все. Значит, слушай! Через месяц. Ладно, через два! Жду тебя в Калининграде. Позвони. Встречу. Что тебе тут

делать?

– А в Калининграде что?

– Ну, не надо, вот этого не надо, – сказал Лева. – На месте разберемся.

Иван недоступен. С ним так бывает. Ложится на дно. А потом мне говорят: «Ты разве не знаешь? Он ведь уехал. В Благовещенск». – «Совсем?» – «Неизвестно».

Вот так. И не попрощались даже.

«Ну вот, – думаю, – хорошо. Теперь можно будет что-то решить. Как-то сосредоточиться». Мне все время казалось, что я должен что-то решить, но все откладываю.

И вот стал я снова ходить по частным урокам. Давать объяснения. Как двадцать лет назад. Только теперь это ощущалось по-другому. Все ощущается по-другому через двадцать лет.

На сеансы мои почти никто не являлся, и мне приходилось оплачивать аренду из тех денег, что я зарабатывал репетиторством. Конечно, надо было бросить уже эту затею с кино. Но я не решался. Не знал, что стану делать потом вместо этого. «Да ничего не стану, – говорил я себе. – Просто буду платить за квартиру и все такое. Куплю себе новое пальто и ботинки. Вообще много надо купить». Думаю, глядя в зеркало. За моей спиной отражается окно. За окном идет дождь. Блестит крыша напротив. Так ярко. Бодряще.

Появился Вова и опять говорил о своем плане. Граждан-

ский его костюм пообносился, за короткое время стал выглядеть заслуженным. Видимо, хозяин не снимал его несколько недель.

А план у Вовы был *идеальный*. Ну, как это всегда бывает, я заметил. По фильмам, конечно. Теперь я понял, почему Вова подружился с аптекаршей. Аптека стенка в стенку при-
мыкает к ювелирному магазину. Пробить ее нетрудно. Ночью. Но как вынести все это, чтобы не сработала сигнализация. Через аптеку? Но в аптеке тоже сработает сигнализация на выходе. А вот если из моего зала пробить сначала ход в аптеку, а оттуда уже в ювелирный, тогда сигнализация нигде не сработает, все можно будет вынести отсюда, из моего зала. С каким только безумием я не сталкивался! И ведь люди сами верят.

– Драгоценности сложно продавать, – сказал я.

– Да. Но я же не виноват, что там не **сбербанк**, – ответил Вова.

Я кивнул.

– Ну, ты будешь? – спросил он снова.

– Нет. Я все тебе испорчу. Мне не везет в таких делах.

– А ты что, пробовал?

На площади Луговой есть электронные часы, которые всегда показывают необыкновенное время. «Это не часы», – сказал как-то Лева. «А что?» – «Не знаю». Теперь я иногда гадаю по этим часам, которые не часы. У всех есть любимые

и нелюбимые числа. Мне нравятся нечетные. Сегодня часы показывали в десять утра 00:15. Мне нравится «15», и весь день мне везло. Не слишком. Ничего особенного не случилось. Просто не попал на обратном пути в пробку, никто из учеников не отменил урок, в магазине был мой любимый йогурт со злаками.

Часы показывали 27:03, и я подумал: вот все проходят мимо и не придают значения, а, может быть, часы хотят как-то привлечь наше внимание, сказать что-то важное. Если записать их показания и потом расшифровать, возможно, мы прочитаем послание необычайной важности. Потом подошел мой трамвай, и я перестал думать.

«Башкортостан, г. Стерлитамак, ул. Техническая, 32» – читаю я на этикетке пачки с содой и начинаю себе представлять эту улицу, чтобы не смотреть на те улицы, что движутся за окном трамвая. Надо ведь о чем-то думать, когда едешь. И вместо улицы Технической я представил себе улицу Нефтеветка № 2 во Владивостоке. Потом для интереса проверил в интернете. Никакого сходства. Наша Нефтеветка дает сто очков вперед улице Технической в Стерлитамаке по шкале уродства. Мне нравится убожество как эквивалент натуральности. А все эти подновления только разрушают единство стиля. Вот был у нас сосед во дворе, давно еще. И у него был сарай. Отличный, деревянный, из неструганых досок, вонючий, с земляным полом и хламом внутри. Сарай, каким он и должен быть. И вот – этот сосед украл где-то по случаю ведро

серебряна, растворил его в нитролаке или олифе и этой краской покрасил свой сарай из неструганых досок. Энди Уорхол должен бы молиться на этого человека. Стиль вот такого подновления господствует у нас везде. У нас это даже не канаец за искусство.

Вова исчез. Каждый раз, подходя к своему залу, я приглядываюсь теперь к ювелирному магазину. Все ли в порядке, не стоит ли милиция? Потом приглядываюсь к аптеке. Иногда нарочно захожу проверить, работает ли за прилавком Эльза Ланчестер. Смотрю – работает. Удивительно, думаю. Неужели она сообщница? Она замечает мой взгляд, и я отвожу глаза. Возможно, она полагает, что я стесняюсь попросить у нее лекарство от геморроя или что-нибудь в этом роде.

Опять время платежа за квартиру. А тут еще выяснилось, что я умудрился не набрать денег на аренду своего кинозала. Да...

11

«Бал»

Этторе Скола. 1983-й. Франция, Италия, Алжир. Был выдвинут на Оскар в номинации «Лучшая картина на иностранном языке». О каком именно языке речь – сказать нельзя, в фильме нет ни одного слова.

Это был выходной, и я нашел в кармане завалявшуюся карточку клуба танго. Вспомнил ослепительную преподавательницу Жанну и решил пойти. Просто так. Первый урок бесплатно. Нужно было чем-то убить день. Лифт опять не работал, и я поднимался все пятнадцать этажей, глядя в окна лестничных пролетов на то, как город растет подо мной. Блестели утренние крыши.

Меня определили в группу к новичкам, и мы все выстроились на потемневшем паркете лицом к большому, во всю стену, зеркалу. Найдя свое отражение, я почувствовал себя идиотом и отвел глаза.

«Спину прямо. Хорошее настроение. Почувствуйте, как вы красивы», – сказала, выйдя на середину, лучезарная учительница. Слева от меня стоял дедушка с бородой, справа дама в возрасте, такая осенняя роза. Мы начали разучивать шаги. Все усердно топтались вперед-назад, отражаясь пест-

рым стадом в зеркале. Я заметил на правом краю высокую нескладную девушку в очках и вспомнил фильм Этторе Скола «Бал».

Я не знаю, как мне относиться к людям, которые не любят фильм «Бал».

Лева советует сразу бить, но я так не привык.

«Слабак ты, значит», – говорит Лева. Да, это – верно, задумываюсь я, вспоминая свою жизнь²⁶.

²⁶ Когда мне было девятнадцать, я был глупым, самоуверенным мальчишкой, исключенным из института за систематические пропуски. Я мог не явиться на экзамен, если на этот день у меня была назначена в парке встреча с Валентином Марковичем, самой авторитетной фигурой на музыкальной барахолке. И это выглядело для меня вполне оправданно, потому что экзамен я мог пересдать в любое время, а обещанный Валентином Марковичем сольный альбом Роджера Уотерса мог «уйти» безвозвратно. Когда меня исключили, я сразу занялся индивидуальной трудовой деятельностью, которая начиналась каждый день в половине десятого вечера. Я торговал водкой на вокзале. Благо времена сухого закона возродили романтику бутлегерства. Покупая модные ботинки и кожаную куртку, внешне всячески форсируя свою мужественность, в душе я был чудовищно женственен. Моя натура чисто по-девически тянулась к подонкам общества. Интуитивно я понимал, что именно эта компания способна куда скорее, чем академические дисциплины, дать моей судьбе необходимый для взлета толчок. Уже потом я заметил, что уголовщина вообще свойственна слабым. Нигде я не встречал столько бабья в брюках, как среди прибалтанных. Чего стоят одни только их песни, «шансон», вечный скулеж о жестоком прокуроре и доброй, всепрощающей мамочке. И еще эти мечты «о прекрасном» на уровне вокзальной проститутки – «а в таверне тихо плачет скрипка». Какие-то вещи я могу себе позволить, какие-то нет. Среди тех, что не могу, на первом месте – жалость. Я не говорю о жалости к себе. Ее я вообще забыл, потому что последний раз чувствовал это остро во втором классе, когда на катке у меня отобрали коньки. Я не говорю, что мне не жалко других. Жалко. Но я не позволяю жалости перейти во мне некую границу. Иначе она меня затопит. В юности, когда я был влюблен, я постоянно

сваливался в такую ужасную жалость ко всему человечеству и каждому человеку в отдельности, что во время этих приступов меня надо было под руки водить по улицам. Как-то я взял и отдал всю нашу ночную выручку вокзальной проститутке, на квартире которой мы держали водку, рядом с кроватью ее двухлетней дочки. Сказал ей: купи что-нибудь ребенку. Она купила банку сухого детского питания, остальное пропила. Питание она не заваривала, и на следующий день я увидел, как его сыплет из банки в рот мой напарник Андрей. Он, кстати, и чай не заваривал, а сыпал заварку прямо в рот и жевал. Это его на зоне научили, куда он попал еще по малолетке. Я шел домой, в крохотную квартирку, которую снимал для себя и своей девушки Зои. Проходил по длинному барачному коридору с бесконечными рядами дверей, слышал, как за ними ругаются, жарят картошку, поют пьяные. И все это казалось мне лучше, надежнее и теплее, чем то, что ждет меня... Потому что я никогда не знал точно, что меня встретит за дверью, которую я отпираю. Это могла быть записка: «Пошла прогуляться». И я сидел у окна до трех часов ночи, ожидая ее возвращения, и, не дождавшись, выходил утром на улицу и просто, чтобы не сойти с ума, смотрел на нормальных людей, как они едут себе на работу. Или в гостях у Зои могла сидеть ее подруга Лариса, статная деваха с большими еврейскими глазами, которая умела красивее всех держать сигарету и выпускать из чувственно округленного рта колечки дыма, выталкивая его равномерными короткими выдохами, от которых вздрагивала ее тугая, пышная грудь под тесной кофточкой. Сначала я боялся ее дурного влияния на Зою. Но как это бывает с поборниками нравственности, первый же и стал жертвой этого «влияния». Это было в тот уж совсем отчаянный вечер, когда я сидел один, слушая, как наверху соседи-пролетарии пляшут под модную музыку советской еще Прибалтики. Накануне Зоя пила шампанское с другой своей подругой, косоглазой толстушкой, бывшей одноклассницей, слушавшей Зою с раскрытым ртом. Шампанского показалось мало, и Зоя, хвалясь перед подругой моими способностями, отправила меня за второй бутылкой, потом за третьей. Возвращаясь, я услышал из-за полуприкрытой двери Зоины слова: «Да я не люблю его, понимаешь...» Постояв еще минуту у двери, я убедился, что это относилось именно ко мне. Я тогда еще не знал, что подобные слова, как правило, ничего не стоят, потому что большинство людей вообще не знает, что такое любовь, и может принимать за нее все что угодно, равно как и за ее отсутствие. «У меня болит зуб, и я

С третьего урока я научился ходить квадратом. После за-

тебя не люблю». «У меня новые сережки, хорошее настроение, и я тебя люблю». А тогда у меня просто ноги подкосились. К десяти вечера я поехал работать на вокзал, а когда вернулся около двух ночи, то застал только полную пепельницу и распахнутую дверцу платяного шкафа. Я знал наизусть весь ее гардероб от нижнего белья до лисьей шубки и сейчас по выбору платья старался догадаться, куда и в каком настроении она отправилась. Были у нее такие платья, которых я просто боялся... Я выпил прихваченную с вокзала бутылку водки и сидел, вспоминая о том, что еще год назад не знал никакой Зои. А пять лет назад вообще был ребенком и был счастлив. И никогда бы не поверил, что мое счастье сможет омрачить какая-то вредная девчонка. Я старался вжаться в свое прошлое и забыть все, что со мной сейчас. Утром проснулся на удивление свежим и, главное, – безмятежным. Принял душ. В хорошем настроении сходил в магазин. «Ну и пошла ты!» – подумал про себя громко, во всю ширь, с радостью освобождения. Но в полдень что-то дрогнуло, а к вечеру, когда зарумянились облака, которые безостановочно качала в небо труба ТЭЦ, я весь заскрежетал внутри от тоски. И тут приходит эта Лариса, как напоминание о том, что мир ничуть не пошатнулся со вчерашнего вечера. Яркая и веселая. Узнав, что Зои нет, собралась тут же уйти, но осталась выкурить сигаретку. Сидит, курит, а сама как радар. Излучает. И одновременно, кажется, каждую мысль, которая у меня в голове проносится, засекает. Но говорим о ерунде, шутим. Смех у нее сильный и женственный, как ноги. И я знаю, что она все это знает именно сейчас – про свои ноги и про смех. Недаром ведь и сидит так, и смеется. Искушение всегда полнее, когда для обоих запретно. И это взаимное «нельзя» наполнило нас тогда таким пониманием и нежностью друг к другу, что она испугалась и стала собираться. Улыбнулась мне напоследок как-то необыкновенно, печально. Я кивнул. Понимаете, я раньше всегда был сильный, а если не мог с чем-то справиться, то посылал это. А Зою не мог... И я открыл, что я слабак! В школе мне говорили, что жалость унижает. И рассказывали эту пьесу Максима Горького про бомжей. Типа их надо не жалеть, а воспитывать или что-то там такое еще. Это все ерунда. Бомжей воспитывать нельзя. Они вроде цыган, только на свой лад. Я имею в виду не тех, кого кинули при продаже квартиры, и они теперь спят во дворе на картонке. А тех, кто с какого-то момента жизни планомерно просрал и работу, и семью с дачей, и квартиру, и вообще все, включая самого себя. Вообще от всего отказался, как в Библии апостолы, только еще

нятия я немного задержался. Куда спешить? В зал уже при-

дальше и полнее, потому что и от Царствия Небесного отказался тоже, а взамен этого не попросил совсем ничего. Может быть, таких бомжей и не бывает вовсе. Даже наверняка не бывает. Но все равно – тень этого Идеального бомжа лежит на каждом из них и вообще на всяком раздолбае так же, как в каждом человеке содержится хоть крупинка образа Божия. А жалость унижает, только когда она фальшивая. С насмешкой или с превосходством внутри. Вроде как Севу Чучакова утешал его друг Леша Алмазов. Сева на физкультуре не мог подтянуться ни разу. Висел на турнике, по выражению нашего физрука, «как в жопу раненный». Ну, потом играли в баскетбол, и все уже забыли про турник. А в раздевалке после урока Леша сказал, что ничего, Сева, дескать, потренируется (сам-то Лешка ходил в секцию гребли и накачал там себе неплохие банки) и потом будет подтягиваться нормально, правда же, Севан? Сева обернулся и своим худеньким кулаком въехал другу по морде, оцарапав костяшки о крепкие Лешкины зубы. Но я же про другое, я же про настоящую жалость, которая у меня открылась, когда я понял, что я слабак. Вот я иду по улице и вижу красивую девушку. Что я должен испытывать, глядя на нее, ну просто как здоровый, нормальный человек? Ну, допустим, восхищение или желание познакомиться. И я это испытываю. Моя здоровая натура стремится к ней. Но вдруг – шелк! И мне становится ее нестерпимо жалко, потому что я вижу, как хрупка даже не она, а вот именно это состояние красоты и легкости, которое она так светло несет сейчас по улице. Я вдруг представляю ее в руках грубых насильников, и всю ее красоту для меня тут же застит тоска от того, что мир устроен так непрочно. Жестокость этого мира может обойтись и без насильников, у нее столько средств, и, не зная осечек, она всех загоняет в гроб. Вот такое вот могло накатить на меня в любую минуту, и не только при виде красивых девушек. Мне было жалко всех, включая собак, кошек и голубей. Да что там! Я стал ловить себя на том, что жалею неодушевленные предметы. Плюшевый слоник в песочнице... На рекорд я вышел после одного из разговоров с Зоей, жалея – не вру! – дырявую эмалированную кастрюлю, валявшуюся в луже у мусорного бака. Розовый цветочек на ее боку напомнил мне детство... С такими мыслями нельзя было торговать водкой на вокзале. С такими мыслями и такой любовью к человечеству надо было идти и ставить вечером прохожих на гоп-стоп! (Как не раз предлагал мой напарник Андрей.) Потому что только это помогло бы от таких мыслей, наконец, избавиться. Так что никого она

шла другая группа, и мне нравилось смотреть, как они танцуют. Женщины были в нарядных платьях, в туфлях на каблуках. Видно, что для них это другая жизнь, праздник. Я позавидовал мужчинам, которые хорошо умеют танцевать. Потом появился мой старый знакомый, тот самый Рудольф Валентино. Он спросил меня: «Решили все же начать?» Я сказал, что еще не уверен. «Кстати, – говорю, – вы какого числа уезжали на соревнования?» – «Конкурс, – с улыбкой поправил он. – Уже не помню, а что?» – «Да так, ничего. Глупая

не унижает, эта жалость, она садит. Того, кто жалеет, и весь мир вокруг. И если бы такая жалость восторжествовала, то мир бы тут же перестал существовать и весь вымер. Биологически. Потому что с таким чувством в душе никого никогда даже на самую красивую девку или бабу ни в жизнь не потянет. В последний раз, когда я навестил Зою в этой темной однокомнатной квартирке, она открыла мне пьяненькая и с неряшливым гостеприимством все пыталась угостить меня чем-нибудь. Усадила за липкий неприбранный стол, осыпанный сигаретным пеплом. То сердилась, что я отказывался, то притворялась равнодушной и пила пиво из большой фаянсовой кружки с отколотой ручкой. И разговор все не клеился, пока мы не перешли на некий дурацкий, шутливый тон. Потом она вспомнила вдруг, что у нее есть в холодильнике банка красной икры, сберегаемая для Нового года, и, засветившись, предложила мне: «Давай откроем, поешь». Но мне совсем не хотелось здесь есть, и я сказал, что не надо, не хочу. А она все настаивала. И даже показывала мне эту холодную стеклянную банку с крупной оранжево-красной икрой. Наконец молча поставила ее на место. Провожала меня до прихожей уже нетвердыми шагами. Задела тумбочку, с которой, шурша, посыпались на пол старые газеты и счета. «У меня за отопление с прошлого года не плачено. Ты не мог бы мне занять тысячи три-четыре?» Такой пустяк, в сущности. И я сказал, что нет, не могу. «Ну ладно», – улыбнулась она и приблизила для поцелуя свои губы... Губы, по которым я когда-то сходил с ума. И, сделав над собой усилие, я поцеловал ее, чувствуя кислый запах пива. Я больше не был с ней слабаком. И это было еще хуже. Невыносимо.

история». И я рассказал ему, как разыскивал его, ну, не то чтобы разыскивал, а просто пришел, и как его коллега, эта самая лучезарная красавица, сказала мне другую дату. Он усмехнулся и сказал: «Ну, это же Жанна... Что вы хотите от женщины с такой грудью...» И я смутился, потому что всегда смущаюсь в таких случаях. «Вы смотрели фильм “Бал”?» – спросил я. А он спросил, про что этот фильм. «Приходите в пятницу, – сказал я, – для вас бесплатно». – «Тогда для вас еще пара занятий бесплатно», – ответил он.

На сеанс он пришел вместе с Жанной, и я следил украдкой за их лицами. Судя по их выражению, они ожидали большего. Может быть, им хотелось еще больше танцев и сложных фигур, они же профессионалы.

А я посетил еще два бесплатных занятия. Танцевал с Осенней розой, и с девушкой в очках, и с пучеглазой толстухой, от которой удушающе веяло тяжелыми духами. В зеркало я старался не смотреть, а смотрел себе на ноги. «Не надо, не надо», – сделала замечание Жанна, и я стал глядеть поверх кудряшек перманентной завивки своей очередной партнерши. Там каждый раз менялись парами. Некоторые пары, видимо, уже сдружившиеся, забавно жульничают, чтобы оказаться снова вместе. Один раз я видел, как Осенняя роза, сделав вид, что не заметила предназначенного ей новой переменной кавалера, направилась с улыбкой ко мне. «Вот как, – думаю, – вот в какой разряд я уже перехожу, по-

ра задуматься...»

После занятий я шел по опустевшему пассажи, где всегда пахло розами, и последние цветочницы уже не зазывали покупателей. И почти прямоиком из этого пассажа попадал в раскидистые арки своих новых танцевальных снов, скрепивших реальность с театральностью Этторе Скола.

Сегодня на занятии Осенняя роза спросила: «Вы, наверное, военный?» И я понял, что шагаю в танце как деревянный, как на плацу. «Нет, – говорю, – не совсем...» – «В отставке?» – ласково спросила она. «О жестокие боги!» – подумал я и невольно глянул все-таки в зеркало.

Мой приятель Женя Р., когда ему было двадцать, смотрел «Бал» каждый день на протяжении трех месяцев. С его стороны это было проявлением «дедовщины». Он дослуживал эти последние месяцы при штабе округа в глухом военном городке, где был огромный дворец культуры с актовым залом на пятьсот мест. И вот каждый день в шесть утра Женю будил прикрепленный к нему в услужение салага-киномеханик. И они вдвоем шли сквозь утренний туман по аллеям военного городка вдоль покрашенных бордюров к бетонному зданию дворца культуры с отсыревшим полотнищем на фасаде «Народ и армия едины».

И в пустом зале на пятьсот мест Женя сидел один, а са-

лага-киномеханик показывал ему «Бал». Фильм о невероятных людях, которые не имели представления о том, что такое кирзовые сапоги и перловая каша, не знали устава караульной службы и умудрялись жить без всего этого полной, прекрасной жизнью, не произнося при этом ни слова за полтора часа, во время которых пролетала целая эпоха от 20-х годов до 70-х, пластически вырождаясь на наших глазах, вплоть до того момента, когда пожилой хозяин заведения гасил верхний свет, а посетители расходились так же поодиночке, как и пришли; так и не найдя себе пару в этот вечер.

Каким чудом оказался этот фильм в армейском кинотеатре?

Юность щедра на чудеса...

«Le Spectre» («Призрак»)

Призрак. 1916-й. Режиссер Луи Фейад. В главной роли Жанна Рок, больше известная под псевдонимом Мюзидора. В знаменитом варьете «Фоли-Бержер» Луи Фейад и продюсер Леон Гомон искали актрису на роль Девы Марии (хорошее выбрали место для поисков). Нашли, но ввиду изменившихся обстоятельств сыграть ей пришлось не Деву Марию, а роковую женщину-вамп. Этот фильм – *Le Spectre* – один из эпизодов знаменитого сериала о вампирах. Первопроходцы жанра.

В последний момент пришлось по техническим причинам заменить этот фильм на другой. Он, конечно, не из этой категории, не из классики немого кино, но тоже без слов. «Иллюзионист» Йоса Стеллинга.

Буддист говорит мне как-то:

– Ребята хотят здесь Рериха повесить. Ничего, если мы потесним эту вашу кинозвезду или ту, какую скажете. Мне-то все равно, а мои обижаются, говорят, почему из наших никто не висит, помещение же общее? Мне все равно. Я могу не обращать внимания на такие вещи. А новички настаивают. Я тоже завишу от сборов.

– Пожалуйста, – говорю, – конечно. Мы потеснимся.

– Спасибо за понимание. Как вообще бизнес? – спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

Он вздыхает. Кивает.

– Бизнес – это не у нас, а у арендодателей. Мы просветители. А они паразиты... У вас нет по буддизму какого-нибудь старого фильма?

– Нет... – развожу руками.

– Жалко. А то бы я к вам свою группу пригнал. В целях просвещения. А вы бы там, может, кого из своих на меня сориентировали. Мы же тут сообщающиеся сосуды.

– Да, – киваю.

– Мне коммеса́нт недавно жаловался на ваши портреты.

Буддист называет лидера сетевых маркетологов «коммеса́нтом».

– Я бы тоже тут мог диаграммы повесить свои. Это он мне говорит так. Диаграммы повесить. А я думаю, тебя самого пора повесить. Вместо диаграммы, чтобы другим неповадно было. Сколько людей через этот сетевой маркетинг свихнулись или по миру пошли. У меня тетка двоюродная сначала на гербалайф запала, потом на вижен. Разорилась, квартиру продала. Я, плачет, все рассчитала, все рассчитала, как это могло получиться? А я ей говорю: «Опора на сознание рождает неведение».

Я киваю. Из вежливости спрашиваю: «А неведение?»

– Неведенье – это открытая дверь на пути к истине, – от-

вечает он с улыбкой и, переводя в шутку, продолжает: – Вот я не ведаю, откуда у нас этот строительный мусор, какие-то осколки кирпичей, цемент...

– Я не замечал, – говорю.

– Я опасаясь, что они тут ремонт затеют. У нас простой, во-первых, будет, а во-вторых, после ремонта они аренду еще повысят нам раза в полтора... вот это будет фокус.

Он идет по залу, разминаясь, бывший учитель физкультуры. Попал в физруки из большого спорта, после травмы; занялся йогой, а дальше пошло вплоть до буддизма. Занятие в своей группе начинает с физической разминки, при этом энергично по-тренерски хлопает в ладоши: «Пошли, пошли, по кругу, быстрее!»

«Я считаю, кто норму ГТО сдать не может, тому не место в буддизме, – говорит он. – В здоровом теле просветленный дух, правильно?»

– Слушайте, по-моему, этот буддист – шарлатан? – говорит мне коммерсант, специалист по сетевому маркетингу. – Я его спрашиваю: «Вы когда-нибудь в сангхе были?» А он мне говорит: «А где это?» Вы понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.